

В. ПЛОСКИХ

**ИССЫК-КУЛЬ:
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИСТОРИЮ**

В. ПЛОСКИХ

**ИССЫК-КУЛЬ:
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИСТОРИЮ**

■

П—39   **Плоских В.**
Иссык-Куль: путешествие в историю /Под ред. К. У. Усенбаева. Ф.: Кыргызстан, 1981.— 76 с.

Написанная в научно-популярной форме на богатом фактическом материале, книга доктора исторических наук В. Плоских рассказывает о замечательном историческом прошлом Прииссыккуля со времени его заселения первобытным человеком. Читатель узнает об обнаруженных здесь орудиях каменного века и о древних наскальных рисунках, об интересных находках археологов на побережье и дне голубого Иссык-Куля, о поисках мифических кладов и об ученых, ведущих археологические раскопки самоотверженно, с энтузиазмом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

П 10604—152 66—81. 0505040000
М 451 (17)—81

9 (С 54)

ББК 63.3(2 Ки)

Под общей редакцией доктора исторических наук
К. У. Усенбаева

«Историческое дело осуществляется не только тогда, когда оно совершенно, но когда оно описано и передано последующим поколениям».

Стефан Цвейг

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Заоблачным морем, жемчужиной Тянь-Шаня, аквамарин¹ом в серебряной оправе гор и другими столь же лестными эпитетами называют озеро Иссык-Куль. «Иссык-Куль» в переводе с киргизского означает «горячее озеро». Под таким названием оно впервые встречено в анонимном географическом сочинении X века «Худуд ал-Алам» («Границы мира»). Однако в разные времена и у разных народов озеро имело и другие названия: «Темир-нор» — железное озеро, «Тузкуль-нор» — соленое, «Джит-куль» — душистое, «Же-Хай» — теплое и т. д. Западная Европа впервые с ним познакомилась по Каталонской карте XIV века. Русские топографы нанесли озеро на карту лишь в первой четверти XVIII века.

До установления Советской власти в Средней Азии киргизский народ не имел своей письменности и потому события его самобытной истории не оказались зафиксированными ни в летописях, ни в других подобных им источниках. Лишь фольклорные материалы в виде монументального эпоса «Манас» да легенд доносят до нас эхо давно минувших веков.

Но память человеческая зыбка, в ней лишь отдельные примечательные вехи жизни народа, перемежаемые фантастическими сценами из мифологии, перекликаются с историей. Обращаясь к прошлому Иссык-Куля, нет-нет да и вспомнишь одну характерную притчу известного средневекового географа Мухаммеда Казвини:

«...Однажды я проходил по улицам весьма древнего и удивительно многолюдного города,— повествовал седой мудрец,— и спросил у встретившегося жителя: «Давно ли основан этот город? — Действительно, это весьма древний город,— отвечал он, но мы не знаем, с какой поры он существует, да и наши предки ничего не знали об этом, по крайней мере они нам ничего не могли сказать об этом».

Пятьсот лет спустя я снова проходил по этому же самому месту и не заметил ни малейших следов когда-то бывшего здесь города. Я спросил у крестьянина, косившего траву на месте прежней столи-

цы: «Давно ли она разрушена?» — «Чудной вопрос я слышу от тебя, старик, — отвечал он. — Эта земля никогда ничем не отличалась от той, какую ты ее теперь видишь». — «Но разве прежде не было здесь когда-то большого и богатого города?» — сказал я. — «Никогда, — отвечал он, — никаких городов здесь не было, по крайней мере мы их не видели, да и отцы наши никогда нам об этом не говорили».

Через пятьсот лет я снова возвратился на это место и нашел уже здесь море. На недалеком расстоянии от берега стояли разбросанные там и сям бедные и невзрачные рыбацкие хижины. Увидев на берегу толпу рыбаков, расправлявших свои неводы, я подошел к ним и спросил их: «Давно ли эта земля покрылась водой?» — «Тебе ли об этом спрашивать, — сказали они, — это место всегда было таким же морем, как и теперь».

Спустя еще пять веков я снова пришел сюда же и опять нашел громадный цветущий город. Последний был еще многолюднее и еще богаче и роскошнее постройками, чем тот, который я видел в первый раз. И когда осведомился о времени его происхождения, то жители его с нескрываемой гордостью и самодовольством отвечали: «Начало нашего города теряется в глубокой древности, так как мы сами не только не знаем давно ли он существует, но и наши предки, так же, как и мы, ровно ничего не знали об этом».

Притча эта как нельзя более подходит к истории Прииссыккулья. Чьи могилы разбросаны по Иссык-Кульской котловине? Какие поселения существовали в древности по берегам озера? Почему горное море время от времени выбрасывает то глиняные черепки, то битые кирпичи необычной формы, а то металлические вещи, вроде того огромного медного котла, который местные киргизы отправили как диковинку кокандскому хану? Почему в тихую погоду сквозь толщу хрустальной воды иногда чудятся любознательному наблюдателю то полуразрушенные стены, то остатки домов, то очертания башен, залитые волнами?

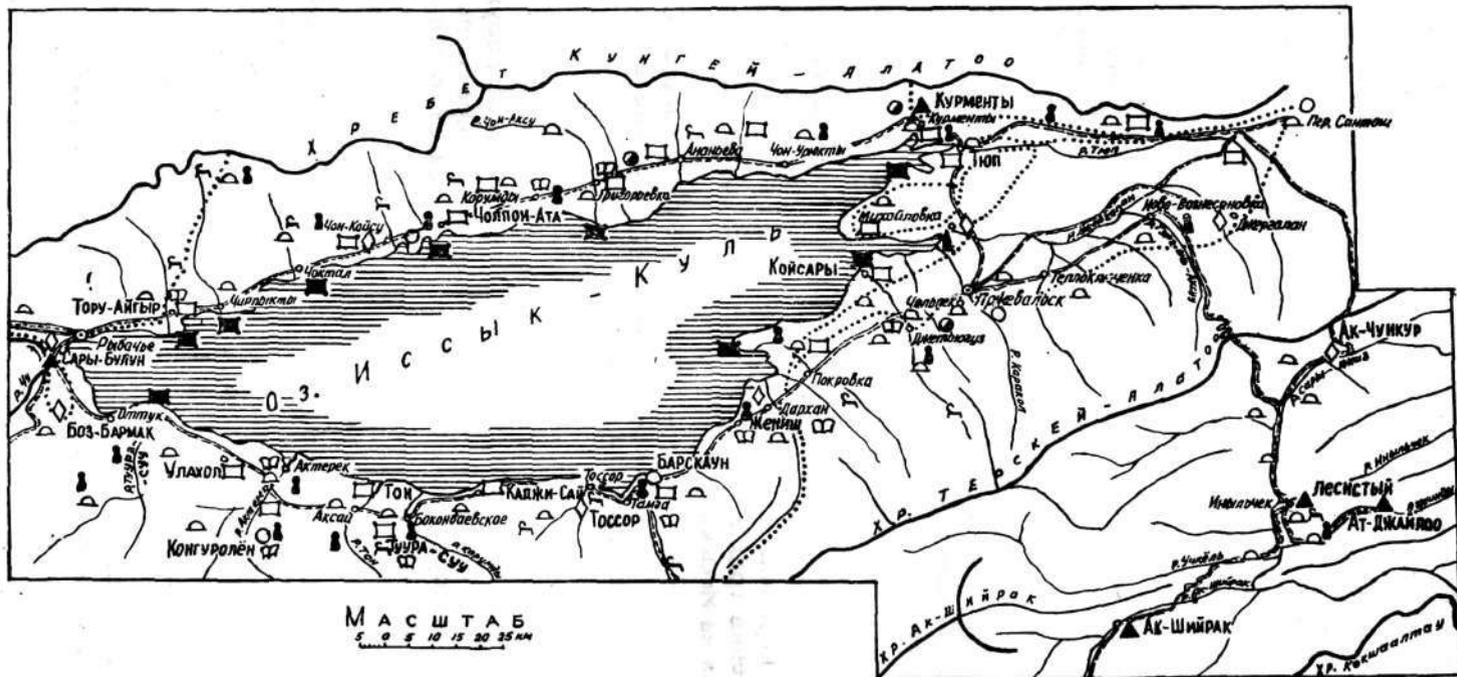
Иссык-кульским «бумом» можно назвать вспыхнувший в последние годы интерес к озеру. Иссык-Куль становится всесоюзной курортной зоной и сотни тысяч отдыхающих каждое лето нежатся на его золотистых пляжах.

Создан Иссыккульско-Чуйский территориально-производственный комплекс, объединивший творческие усилия ученых и производственников. Он предусматривает всестороннее научное исследование края в целях рационального использования водных ресурсов для орошения, гидроэнергетики, хозяйственно-промышленных и бытовых нужд, для разведки и добычи богатейших полезных ископаемых Тянь-Шаня.

В экологическом плане уже ведутся исследования о взаимоотношениях между живыми организмами и человеком, а также их с окружающей средой, решаются проблемы охраны флоры и фауны.

Историки изучают и реконструируют общественно-экономические, культурные и политические события далекого прошлого, исследуют и современность. В воссоздании былой истории края первостепенное значение приобретают археологические раскопки. На Иссык-Куле они

Исторические памятники Прииссыккуля

Условные обозначения

◇ Стоянки каменного века	▣ Подводные археологические объекты
┐ Наскальные рисунки	○ Кокандские и киргизские крепости
▲ Горнорудные предприятия	⋯ Маршрут путешествия П.П.Семенова и Кошарова
Ⓓ Курганные могильники	▲ Памятник, могила и мемориальный музей Н.М.Пржевальского
▣ Каменные изваяния торговцев	○ Современные населенные пункты
▣ Средневековые поселения	— Современная автодорога
▣ Эпиграфика, старинные рукописи и книги	∠ Горные хребты
● Клады	

укладываются всего в какие-то четыре десятилетия, тогда как существование человека на этой территории определяется десятками тысяч лет. К тому же первые шаги в организации и проведении раскопок предпринимались непланомерно. Да и сами археологические памятники территориально разбросаны и датируются хронологически так же бессистемно. Сохранились они выборочно, только из того материала, который не поддается или слабо подвержен разлагающему влиянию времени.

И все-таки удивительная Иссык-Кульская котловина богата историческими памятниками. Начиная от палеолита — древнекаменного века — здесь одна культура сменяла другую на протяжении тысячелетий. От находок древнейших галечных орудий — чопперов, от стоянок неандертальца следы человеческой деятельности ведут через века к мощным сако-усуньским курганам, к тюркским каменным изваяниям, к крупным средневековым поселениям.

Вот уже почти четверть века производит в Прииссыккулье раскопки памятников истории и занимается их изучением археолог Дмитрий Федорович Винник. Ему принадлежит заслуга выявления в котловине свыше 100 средневековых поселений, сотен курганных могильников, сбор десятков каменных изваяний, проведение поисков бронзовых кладов и т. д.

Но не только побережье, сам Иссык-Куль является кладовой тайн для историка. Уже обнаружены на дне озера остатки развалин тимуридского города и кирпичного завода. В этом опять-таки заслуга Д. Ф. Винника, в течение трех лет проводившего подводные археологические исследования на Иссык-Куле.

По крупницам воссоздается картина исторического прошлого. Составив его мозаику, попытаемся совершить свое путешествие в глубь веков примечательного, благодатного и во многом уникального горного края и его жемчужины — озера Иссык-Куль. Путешествие в историю — не есть бегство в прошлое. Оно непременно связано с настоящим. История мертва, если не видит перед собой современника.

Переключка поколений, знание творений предшественников побуждают к действиям, направленным на дальнейшее познание мира и преобразование общества, которое по мере своего развития само становится историей. А. М. Горький подчеркивал: «...Знать прошлое необходимо, без этого знания заплутаешься в жизни и можешь снова попасть в то грязное, кровавое болото, из которого вывело нас и поставило на широкий прямой путь к великому счастливому будущему мудрое учение Владимира Ильича Ленина. Он учил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое выработало человечество».

Документальное путешествие в прошлое полно тайн и приключений, так же как и воображаемый маршрут в будущее. Только если будущее мы можем как-то запрограммировать, а с появлением марксистско-ленинской методологии и научно обосновать, то на прошлое мы не имеем никакого влияния. Оно уже совершилось. И объективно нам неподвластно. Зато субъективно...

Сколько писателей, ученых, почти столько и представлений о прошедших эпохах. Даже строгий летописец и тот небеспристрастен, волен описывать только те факты, которые сам считает важными, интересными, полезными. Но другой летописец отобрал бы, может быть, другие факты и события, или другие детали из тех же событий. И в нашем представлении прошлое открылось бы с другой стороны, возможно, прямо противоположной.

Предлагаемая книга не является строго историческим исследованием, в хронологической последовательности повествующим о прошлом края. Она рассказывает о современных экспедициях и работе ученых по выявлению памятников старины, о поисках следов первобытного человека и древнейших наскальных рисунках, о мифических и действительных кладах, о курганах и остатках средневековых поселений, о подводной экспедиции, исследовавшей затонувшие памятники давно минувших культур.

Словом, книга позволяет совершить увлекательное путешествие в прошлое Прииссыкуля.

Глава первая

СЛЕДЫ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

**Предыстория.
Сколько лет
Иссык-Кулю!**

С наступлением летнего полевого сезона самые различные отряды ученых: геологов, гляциологов, геоморфологов, историков уходят в дальний поиск. Они исследуют строение земли и движение ледников, флору и фауну, памятники истории и культуры. Хронологический диапазон исследований охватывает период от нескольких лет до сотен миллионов их. Результаты поиска все шире приоткрывают завесу тайн прошлого, все больше обогащают наши знания об историческом и далеком доисторическом времени.

Что же сегодня известно о прошлом Иссык-Кульского края?

Когда-то, много-много миллионов лет назад, в этих местах гуляли волны древнейшего моря-океана Тетис, названного так учеными-романтиками по имени греческой богини, мифической супруги Океана. Тетис включал в себя Средиземное, Черное, Каспийское моря, весь Среднеазиатский бассейн и почти всю Центральную Азию вместе с пустыней Гоби. На теперешней суше обнаружены осадочные породы именно морского происхождения.

Вспоминаю, как мы, историки, были поражены (геологи восприняли это спокойно), встретив окаменелые раковины брахиопод в породах карбонового периода на Джеты-Огузе, застывшие морские ракушки в известняковых толщах пещеры Ак-Чункур высокогорного Сары-Джазского бассейна Центрального Тянь-Шаня. Воды древнейшего океана не были безжизненными: в них обитали фито-и зоопланктон, панцирные рыбы; на дне — белемниты, трилобиты. Иногда волны разрезала длинная сигарообразная тень мозазавра, хищного морского ящера, чем-то похожего на дельфина. Палеоихтиологи находят окаменелые отпечатки их скелетов.

За прошедшие сотни миллионов лет на этой территории неоднократно возникали горы, которые затем разрушались, а впадины, образовавшиеся при этом, заполнялись морем. Последний раз волны шумели здесь где-то около 25—30 млн. лет назад. Затем морское дно начало постепенно вспучиваться. Все было охвачено вертикальными

движениями, в результате которых суша раскалывалась на отдельные блоки. Одни из них вздымались более интенсивно, другие — медленнее. Пласты морских отложений сминались в складки. В результате возникла горная система складчато-глыбового строения. Это и был современный Тянь-Шань.

Но процесс горообразования на этом не остановился, горы продолжали расти. При вертикальных передвижениях земной толщи получились прогибы. Во время великих оледенений, а также в промежутках между ними, по мере таяния льдов и стока горных речек эти прогибы постепенно заполнялись водой. В не имевших стока котловинах образовывались озера. Так на лике земли появился и наш прекрасный Иссык-Куль — совсем «юное» озеро, возраст которого всего каких-то 10 млн. лет. В период всеобщего потепления край заполнился пышной цветущей растительностью, появились теплолюбивые животные: слоны, носороги, бизоны. Сегодня их останки можно видеть в Пржевальском краеведческом музее.

Шли века. Тысячелетия. Десятки и сотни тысячелетий. Периодически поднимался и опускался уровень озера, которое то становилось бессточным бассейном, то связанным с Чуйской орографической системой. Менялись климат Прииссыккуля, растительность. Менялся и животный мир: одни животные вымирали, другие — более совершенные — выживали. И, наконец, наступил момент, когда на лазурных берегах озера появилось самое совершенное творение природы — первый человек.

Геологическое время его появления: нижний плейстоцен — древнейший этап четвертичного периода. Но это — протяжение в два миллиона лет. Более точную дату, казалось, могли установить лишь археологи. Они назвали этапом становления человечества нижний палеолит, т. е. ранний период древнекаменного века, который начался два с лишним миллиона лет назад и закончился где-то на сотысячном году до нашей эры.

**Первые
исследователи
палеолита
Прииссыккуля**

Основная заслуга в исследовании каменного века Прииссыккуля принадлежит Вадиму Александровичу Ранову и Мелису Болотовичу Юнусалиеву. Исходный материал для палеолитических исследований был получен ими от геологов.

В начале 60-х годов в прибрежных горах Кызыл-Омпул — в нескольких километрах юго-западнее Рыбачьего — геологи среди окатанных галек случайно наткнулись на крупные ударные и режущие каменные орудия из темно-коричневого порфирита. Археологи их называют чопперами и чоппингами — двусторонне и односторонне оббитыми галечными орудиями, одними из древнейших в производственной деятельности человека. Они аналогичны наиболее ранним каменным орудиям, обнаруженным известным советским ученым-палеолитчиком А. П. Окладниковым в долине реки Он-Арча в Южной Киргизии. Он-арчинские орудия стали эталоном первых произведений человеческого труда периода нижнего палеолита Киргизстана. Это были самые древние следы, оставленные человеком на Тянь-Шане.

Таким образом, находки геологов в горах Кызыл-Омпул обнадеживали. И вот на поиски орудий древнейшего человека в окрестностях Иссык-Куля отправляются специалисты. В. А. Ранов в составе геоморфологической экспедиции Московского государственного университета и его аспирант М. Б. Юнусалиев вместе с геологами Киргизской Академии наук произвели первую палеолитическую разведку в Прииссыккулье. В результате работ были обнаружены орудия каменного века, в том числе на интереснейшей стоянке мустьерского времени Тоссор и одном из древнейших поселений человека на Иссык-Куле — Боз-Бармаке.

Тоссор В 1967 г. автору посчастливилось присутствовать при начале стационарных работ на Тоссоре (они были завершены в 1971 г.), а в 1976 г. на Боз-Бармаке. Научные отчеты дают исчерпывающее представление о проделанной здесь работе, но окончательные выводы все-таки — дело будущего. А пока — пройдемся по страницам полевых дневников тех дней, окунемся в атмосферу поиска следов далекого прошлого.

Итак, 1967 год. Разведочный отряд под руководством кандидата исторических наук В. А. Ранова.

...Мы медленно поднимаемся вверх по речке Тоссор. Наше внимание привлекло обрывистое плато в 4,5 км от озера. Его можно было видеть уже с берега: оно как бы высвечивало в глубине ущелья. Машина сделала опасный крен, крутой разворот и, громко чихая, на первой скорости еле взобралась на обрыв. Перед нами расстился небольшой трапецевидный останец. Его площадь была более чем скромной — 75 на 135 м. Ничего примечательного, кроме одного: здесь на поверхности встречались орудия, которые можно было обнаружить и в неглубоких промоинах. А это уже указывало на культурный слой. Заложили шурф размером 2,5×0,8 м, дошли до глубины 2,5 м. Находок немного, но они обнадеживали.

В следующем году расширили предыдущий шурф и заложили 4 новых: они должны были выявить структуру отложений и положение в них находок. Максимальная глубина раскопов достигала 3,1 м. Ниже этого уровня археологический материал не встречался, поэтому дальнейшие работы проводились не на углубление, а на расширение раскопов.

В 1971—1972 гг. на Тоссоре работы продолжал М. Б. Юнусалиев. Начали большой новый раскоп размером 15×8 м, заложили лабораторную площадку с целью выявления вертикально расположенных находок, начиная от дневной поверхности до континентальных отложений древнего останца. И здесь начались открытия. В литературе Тоссор известен как «стоянка». На самом деле стоянка была расположена где-то сверху. Вот почему каменные орудия, найденные при раскопках, были разбросаны в толще лёсса как попало, вопреки всем геологическим представлениям.

Раскопки дали коллекцию в три с лишним тысячи «культурных» камней, т. е. орудий и отходов производства. Но все они были рассеяны в толще лёсса на различной глубине. В результате датировка

памятника и определение его принадлежности представили исключительную трудность. Нужно было исходить при установлении даты только из результатов анализа и сопоставления обнаруженных орудий труда, но это давало слишком расплывчатую хронологию. Следовало также найти и карьер, из которого брали заготовки для производства орудий.

С помощью геологов установили, что для изготовления орудий труда использовались местные материалы: серый кремнистый сланец, порфирит, реже — яшма, роговик. Многочисленные нуклеусы, сколы и осколки наводили на мысль о том, что Тоссор был своеобразной мастерской по изготовлению орудий для охоты. Нуклеусы — это основы каменных орудий, так называемые заготовки, первичный материал, от которого уже откалывали орудия. По размерам они отличались большой вариативностью, но чаще всего встречались орудия, имеющие в поперечнике 5—7 см. Более или менее выраженных нуклеусов оказалось около трех десятков.

Одним из критериев датировки памятника стал тот факт, что для Тоссора были характерны заготовки неправильной формы. Сравнение с аналогичными памятниками позволило сделать довольно определенный вывод: финальный мустье, стоящий на самой ближайшей ступени к верхнему палеолиту. А это значит, что первобытная стоянка вместе с мастерской по изготовлению и обработке каменных орудий и древний человек существовали на Иссык-Куле уже 40—50 тыс. лет назад. Иссык-Куль знал неандертальца — человека разумного (*Homo sapiens*)!

Боз-Бармак Шло время, поисковые работы с каждым годом понемногу расширялись. Все новые районы охватывались маршрутами поиска. Настоящей кладовой каменных орудий оказалось обширное плато Боз-Бармак, находящееся в трех километрах от Рыбачьего на южном берегу озера. Еще в 1965 г. геолог М. А. Талипов нашел на этом плато несколько отщепов и каменных орудий, которые передал М. Б. Юнусалиеву. В 1976 г. первая же археологическая разведка на Боз-Бармак принесла десятки отщепов, орудий и заготовок. Основные находки шли на удлиненной террасе, которую М. Б. Юнусалиев назвал Саламат-Булаком по имени бьющего ниже родника. За два полевых сезона (1976—1977 гг.) на этой террасе было собрано около 1000 каменных орудий, нуклеусов, отщепов, т. е. всего того, что обычно характеризует стоянку или место длительного пребывания первобытного человека.

Для древнего человека первая озерная терраса Саламат-Булак оказалась очень удачной во многих отношениях. Во-первых, она началась в нескольких десятках метров от берега, гряды возвышенностей защищали ее от очень сильного западного ветра, который теперь называют уланом. На берегу озера после штормов можно было собирать съедобных моллюсков, водоросли, древесину, пригодные для обработки гальки. Невдалеке располагался карьер, из которого добывали камень для изготовления орудий труда. Чего же древнему человеку еще надо?

...Место для разбивки лагеря археологи долго не выбирали. Стоянка далекого предка их вполне устраивала. Наутро у родника красовалась семь разноцветных палаток, очаг из камней и старая грузовая машина.

Накануне первого выхода — краткая лекция о палеолите, демонстрация каменных орудий и их отходов, поднятых здесь же на террасе Саламат-Булак. Рабочие — в цель и — в поход. Метр за метром, километр за километром, расширяющимися кругами идет работа по всему плато.

Первые же находки вызывают удивление: как все эти предметы могли оказаться на поверхности, тогда как с удревнением памятники должны, наоборот, все больше погружаться в глубь земли, заноситься «культурным» слоем, песком и т. п.?

Очевидно, подобное перемещение вызвано колебаниями земной коры, с одной стороны, и процессом выветривания, постоянно разрушающим эту кору и превращающим даже скальные породы в обломки, щебень, песок и пыль, с другой. Действиями силы ветра, течения воды рыхлый разрушенный материал был перемещен в пониженные части рельефа, более громоздкий и тяжелый — остался на месте. Таким образом, ранее погребенные отложения, в том числе и единичные камни, оказались на так называемой дневной поверхности, а более поздние — погребенными. Вспомним процесс добычи промывного речного золота! Точно так же на поверхности плато Боз-Бармак оказались каменные орудия первобытного человека — золотые песчинки палеолитической эпохи.

Сначала было собрано большое количество камней, не имеющих никакого отношения к орудиям труда древнего человека. Затем все реже приходилось отбрасывать находки в сторону, все больше орудий и отщепов пополняло шифрованные коллекции. Они росли прямо на глазах. Найдки стали исчисляться уже тысячами, зато на плато они попадались единицами. Наконец, последнее обследование во главе с руководителем — и ни одного орудия. Подъемный материал исчерпан. Тогда пошли вглубь. Прорыли несколько шурфов, каменных орудий не обнаружили и на глубине. Значит, плато себя исчерпало.

Размышления. Сопоставления. Анализ. Математические выкладки. Сразу встало много проблем, одна из которых и главная — специфичность собранной коллекции первобытных орудий. То были орудия с небольшими выемками: мелкие скребочки, шила — как бы специально предназначенные для вытяжки жил, обработки шкур, костяных и деревянных изделий. Словом, довольно миниатюрные ручные орудия для сравнительно тонкой работы. Поражало почти полное отсутствие крупных охотничьих орудий. В результате создавалось впечатление, что если на Тоссоре находился очаг охотничьей культуры, то на боз-бармакской террасе Саламат-Булак — нечто вроде специализированного кожевенного производства. Вывод археологов гласил: Саламат-Булак — не стоянка, а мастерская по изготовлению орудий и обработке шкур, кости и дерева. Этаким древнекаменный индустриальный центр миниатюрных орудий, некая пошивочная мастерская.

Сама стоянка должна была находиться где-то вверху, в пещерах, но никаких следов ее обнаружить не удалось.

Определили предварительно возраст памятника. Сравнительный анализ и последующее обследование орудий в секторе палеолита Ленинградского отделения Института археологии показали: орудия относятся в основном к домустьерскому периоду.

Согласно канонам археологической науки, мустьерские орудия характерны для верхнеплейстоценовых террас (10—100 тыс. лет). На Саламат-Булаке же были обнаружены домустьерские орудия, которые должны были располагаться в среднеплейстоценовых слоях (100—900 тыс. лет). Геологи относят Саламат-Булак к нижней части среднего плейстоцена. Таким образом, на Боз-Бармаке вполне мог обитать как неандерталец, так теоретически и его прямой предшественник — питекантроп.

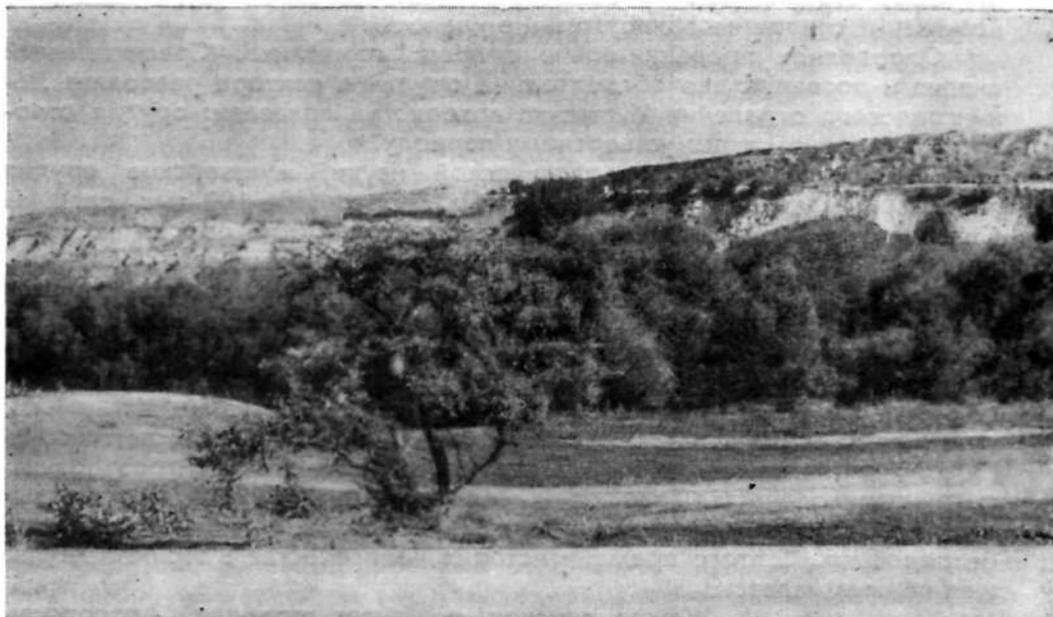
Итак, древность истории человеческого общества на Иссык-Куле получила убедительное подтверждение: не менее 100 тыс. лет. Иссык-Куль, следовательно, хотя и находился в стороне от центров возникновения человечества, однако видел на своих берегах его первых представителей. Они здесь жили, охотились, производили орудия и себе подобных. С этого времени история человечества в Прииссыккулье уже не прерывалась.

Реальность и надежды Джергалан Жажда поисков не знает предела. Археологам всего было мало. Хотелось найти убедительные доказательства пребывания человека на Иссык-Куле в еще более раннее время. Характер климата, флоры и фауны среднечетвертичного периода в этом регионе указывал на то, что такое предположение небезосновательно. Имелся и подходящий для подтверждения данного предположения объект — знаменитый древнефаунистический комплекс Джергалан, что находится в песчаном карьере на левом берегу одноименной реки, плавно несущей свои мутные воды в прозрачный до голубизны Иссык-Куль.

Мы прибыли к разрезу в 1968 году полные надежд и предчувствий открытия. Разрез представлял собой подмытый рекой глубокий обрыв, по которому, как по геологическому пособию, читались древние слои и отложения. Можно представить себе как постепенно жаркий и сухой климат среднего плейстоцена менялся на более мягкий вследствие увеличения общей увлажненности. Склоны гор покрывались пышными лесами, в которых паслись длиннорогие бизоны и шерстистые носороги, лошади и олени, лохматые мамонты оглашали окрестности трубными звуками.

Геологические находки, а также находки остатков древнейшей фауны говорили нам о том, что климат и местность были вполне подходящими для обитания первобытного человека.

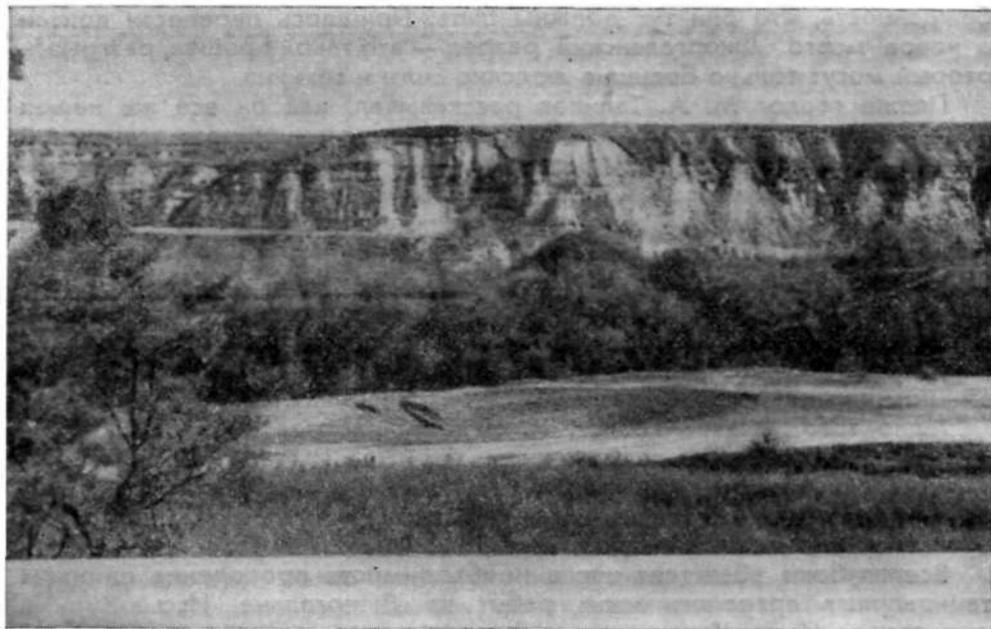
В других местах республики, в том числе и на Иссык-Куле, каменные орудия нижнего палеолита, т. е. старше 100-тысячелетней давности уже находили. Велик был соблазн найти их на Джергаланском разрезе. Тогда можно было бы увязать пребывание здесь человека с определенной, строго датированной геологической эпохой, ее фло-

Знаменитый Джергаланский разрез, где были обнаружены

рой и фауной. Характер обрыва позволял надеяться, что древние орудия в отвалах найдутся. Мы не мечтали о большем — по крайней мере вслух. Но воображение! Так и напрашивалось сравнение Джергаланского разреза со знаменитым обрывом над рекой Соло острова Ява. И в обрыве реки Соло четко просматривались геологические слои: 15-метровая стена древних речных отложений перемежалась пластинами вулканического пепла и песчаника. Именно здесь сделал голландец Эжен Дюбуа в 1891—1895 гг. свое великое открытие. Он начал работы методичным снятием верхних слоев и постепенным углублением. Через два месяца стали попадаться окаменелости давно вымерших животных и был найден (один единственный!) зуб древнего примата, похожий на зуб человекообразной обезьяны. Позже, наряду с множеством костей неизвестных животных, был обнаружен еще один зуб, черепная крышка и бедро. Так явился миру питекантроп! Э. Дюбуа всю жизнь считал, что нашел недостающее звено между обезьяной и человеком, недостающее звено дарвинской теории происхождения человека. Дюбуа ошибался. Он нашел не переходный тип, а первого настоящего человека, *Homo erectus* — человека прямоходящего. Его возраст насчитывал 750000 лет. Это была одна из самых замечательных находок на заре антропологии. Дюбуа для величайшего открытия потребовалось пять лет раскопочных работ.

В Джергаланском разрезе хотя и не было вулканических слоев, зато озеро-дельтовые отложения чередовались с песчаником и слоя-

древнейшие остатки фауны Иссык-Куля.

ми глины по вертикали на целых 50 метров. Обрыв здесь был в три с лишним раза выше, чем у р. Соло. Естественно, что мы были полны надежд и предчувствий открытия.

Отряд новоявленных дюбуа рассыпался цепочкой по вертикали и стал прочесывать разрез горизонт за горизонтом. День. Второй. Третий. Обнаруживаем небольшие фрагменты костей давно вымерших животных. В средних слоях попадаются осколки бивня мамонта, череп какого-то неизвестного археологам зверя. Отдаем его для исследований зоологам. Но орудий или их следов не находим.

Надежды не оправдались, предчувствия не сбылись. Утешаем себя лишь тем, что экспедиция была разведочной, она наметила перспективные объекты для последующих поисковых работ.

С Джергалана мы уехали с мизерными находками, но и... с твердым убеждением в необходимости развертывания здесь в будущем больших стационарных работ.

Через девять лет археологический отряд уже под руководством М. Б. Юнусалиева разбил свой лагерь в устье р. Джергалан, у начала разреза. Почти весь полевой сезон ушел на поиски следов пребывания древнего человека в этих местах. И опять безрезультатно.

Дело в том, что вся полевая работа опять-таки разворачивалась в поисках подъемного материала — так сказать, того, что лежит сверху. Раскопок не производили. Орудий или других следов пребывания здесь человека не нашли. Словом, находок не было, но оставалась

убежденность, что они тут должны быть. Пришлось перенести поиски на новое место. Джергаланский разрез — это такой орешек, разгрызть который могут только большие людские силы и техника.

Позже геолог М. А. Талипов рассказывал, как он все же нашел в озерно-дельтовых отложениях среднечетвертичной джергаланской террасы (100—900 тыс. лет) у села Михайловки первобытные кострища с частично обуглившимися костями животного. Анализ показал, что это древний бизон. Так что же, неандертальцы были большими лакомками и не любили сырого мяса? Выходило, что они долго обжаривали этого бизона на костре, прежде чем съесть. Время обитания бизона на территории Иссык-Куля 300—400 тыс. лет тому назад. Таким образом, было получено новое косвенное свидетельство, указывающее на существование древнейшего человека нижнего палеолита — неандертальца (или его предка?!) в Прииссыккулье.

Мало того. Другой геолог, Н. Удалов, работая на левом берегу р. Джергалан, в слоях, геологически датированных тем же среднечетвертичным периодом, обнаружил каменные орудия, которые, следовательно, тоже относятся к нижнему палеолиту и являются орудиями первого существовавшего здесь человека.

Все глубоко убеждает нас в необходимости проведения широких стационарных археологических работ на Джергалане. Иссык-Куль в целом, а на Иссык-Куле именно Джергаланский разрез, кажутся нам самыми перспективными в деле поиска следов пребывания первобытного человека на территории Киргизии. Может быть, и не только следов, а самих костяков иссык-кульских неандертальцев...

Работы не закончены. Каждый год палеолитический отряд выезжает в поле. Впереди новые поиски, приключения, находки.

Глава вторая

НАСКАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Самолет в
художественной
мастерской
древности

Як-40, пройдя над ущельем, вырвался на просторы голубого Иссык-Куля. Сверху он был особенно красив в обрамлении ослепительно белых хребтов Кунгей и Терской Ала-Тоо. Через несколько минут курс резко меняется: повернули круто на север и сразу пошли на снижение. Казалось, пилот готовится врезаться самолет в крутой берег. Неожиданно набежала взлетно-посадочная лента. Колеса глухо коснулись асфальта. Пробег до конца двухкилометровой полосы, медленный разворот и вот мы среди огромных скальных пород и валунов. Приземлились прямо у наскальной галереи. Стоит пройти несколько сот метров и перед глазами предстанут причудливые рисунки на камнях, покрытых с одной стороны южным темно-коричневым загаром.

Воздушные ворота Иссык-Куля — Чолпон-Атинский аэропорт построен на месте и среди многотысячного скопления наскальных изображений. В определении их возраста специалисты на удивление «солидарны»: от нескольких столетий до нескольких тысячелетий. Группы подобных наскальных рисунков разбросаны по всем предгорьям.

Загадки
первобытного
искусства

Обращение к первичным формам искусства сразу же ставит целый круг вопросов.

— Время создания наскальных рисунков и появления пещерной живописи?

— Что заставило человека отойти на время от прозаичной хозяйственной деятельности и предаться столь отвлеченному занятию?

— Чем было вызвано появление искусства? Что это: магия или стремление к эстетике?

И многие-многие другие вопросы.

Буквально еще четверть века назад история всемирного искусства открывалась ассирийскими и древнеегипетскими памятниками IV—III тысячелетий до н. э. Сейчас этот диапазон расширился и хронологически и географически: ушел в глубь истории на десятки тысяч лет и охватил почти все регионы земного шара.

Иссык-кульские рисунки в научном мире довольно известны. Ученых поражают сюжеты «наскальной живописи». Здесь и сцены из жизни древних людей — скотоводство, земледелие; изображения солнца и различных животных: собак, волков, верблюдов, лошадей; всадников на лошадях, отдельные тамгообразные знаки.

Но иссык-кульские наскальные рисунки в полной мере не изучены до сих пор. Ученые все еще не могут с твердой уверенностью датировать их: а рисунки есть и времени бронзы, и XIX века, не расшифрованы и сюжеты многих рисунков. Открытым остается вопрос о цели, которую преследовал первобытный человек, создавая эти рисунки: есть ли это ритуал и магия, либо это уже потребность в творчестве. Требуют ответа и другие важные вопросы.

История изучения иссык-кульских «писаниц» насчитывает менее века, но пристальное внимание ученых они привлекли лишь в последнее десятилетие.

Насколько нам известно, первое печатное заявление о наскальных рисунках Иссык-Куля сделал ботаник А. Н. Краснов. В 1886 г. он принял участие в экспедиции Русского Географического общества по исследованию Хан-Тенгри и по дороге на эту горную систему Тянь-Шаня зарегистрировал древние рисунки на камнях южных склонов Кунгей-Ала-Тоо.

В одном из ущелий на южном побережье Иссык-Куля встретил и описал изображения верблюда и горных козлов пишпекский краевед Ф. В. Поярков в 1887 году.

Более подробно о наскальных рисунках Иссык-Куля поведал художник С. М. Дудин — постоянный спутник и помощник известного востоковеда и знатока Средней Азии академика В. В. Бартольда во время его путешествия по Семиречью в 1893—1894 гг. В своем научном отчете о поездке В. В. Бартольд примерно так описывает впечатления художника.

«Г-н Дудин ехал по северному берегу озера ближе к горам, спускаясь на станции лишь для покупки припасов и расспроса сведений о дальнейшем пути. В ущельях около станций Чоктал и Чолпон-Ата он встретил камни с изображением козлов и других животных, аналогичные тем, которые ранее ученый уже обследовал на Нарыне. Фигуры были древнего происхождения. Но на одном из камней художник отметил два изображения козлов, высеченных, несомненно, совсем недавно, но в стиле древних фигур тех же козлов. Изображения были сделаны не специальным инструментом, а куском обычного твердого камня, что привело к убеждению — не все рисунки древнего происхождения». Академик Бартольд целиком присоединился к мнению художника, считавшего рисунки творчеством как древних кочевников Иссык-Куля, так и современных ему киргизов. «Нет никаких оснований отрицать художественные наклонности у современных киргизов; даже в новейших муллушках (надгробных сооружениях — В. П.), — писал он, — мне случалось видеть на стенах изображения лошадей настолько недавние, что краски еще не успели стереться».

С этим трудно не согласиться. Добавлю от себя, что во время многочисленных поездок по горам и мне однажды удалось наблюдать процесс такого творчества. Молодой киргизский чабан, пригнавший на отдых к водопою овец, с усердием выбивал на потемневшем от загара валуне силуэт дикого козла. Точно так же, как это сотни и тысячи лет до этого делали его предки.

Но все-таки подавляющее большинство рисунков, без сомнения,— дело рук предшествующих поколений, многих десятков поколений.

Рисунки встречаются как на отдельных валунах, так и на скальных глыбах. Есть они и возле могильников, которые ученые датируют рубежом нашей эры. Справедливость такой датировки уже в советское время доказал раскопками курганов, соседствующих с наскальными рисунками, А. Н. Бернштам.

Одни из самых последних исследователей иссык-кульских наскальных рисунков — Д. Ф. Винник и Г. А. Помаскина — основную их массу относят к периоду от первых тысячелетий до н. э. до XII в. н. э., т. е., считают они, рисунки создавались на протяжении более чем двух тысячелетий. Исследователи не только пришли к выводу о непрерывности линии развития наскального искусства на протяжении двух тысячелетий, но и проследили его историческую трансформацию, заключающуюся в переходе от геометрического стиля через теневой к линейному.

Большинство наскальных рисунков имеют небольшие масштабы, лишь единичные экземпляры предстают перед нами размером в 1 метр. Повсеместно рисунки наносились на загарную, гляцевую сторону гранитных глыб и валунов, имевших цвет от темно-коричневого до черного.

В ходе исследований ученые сделали еще один важный вывод: с течением времени число единичных изображений постепенно увеличивается, а групповые сюжеты — наиболее древние — исчезают полностью.

В середине сентября 1973 г. автор с группой археологов — Д. Ф. Винником, В. П. Мокрыниным, М. К. Кубатбековым и Г. А. Помаскиной — приехал на Иссык-Куль, цель поездки заключалась в более детальном осмотре наскальной галереи.

...Переночевали на берегу озера. Подъем назначили на шесть часов утра. К наскальным изображениям следовало добираться при восходе солнца, чтобы косые лучи рельефнее их высвечивали. Скорые сборы, и вот автобус по бездорожью медленно тянется в гору, лавируя между огромных камней. Солнце взошло не слепящим южным заревом, а небольшим золотистым диском. Было сыро и прохладно. Во всем уже чувствовалось наступление осени. На востоке дымка, а нам нужны яркие косые лучи, чтобы сделать фотоснимки рисунков, обращенных к востоку. Они наиболее интересны. Остальные рисунки пока неясны — тень скрадывает их очертания. Быстро щелкают фотоаппараты: нужно успеть снять на цвет, черно-белую пленку, узкий

С фотоаппаратом
за рисунками

и широкий слайд. Торопимся. На валунах и скальных глыбах сюжетные сцены и одиночные рисунки. Выполнены они методом гравировки: каменным орудием прорезывали, прочерчивали или точечными ударами выдалбливали контуры рисунка, как правило, в профиль. Рисунки не едины и по стилю: реалистическое изображение сменяется условной схематичностью. Но при всем этом они представляют единый историко-культурный комплекс в его многовековом развитии.

Сюжеты самые разнообразные. Вот четко виден силуэт человека, ведущего караван верблюдов, на одном из верблюдов — всадник. Караван шествует по прочерченной тропе, видимо в гору. Рядом на камне — поводырь одиночного верблюда. Вот несколько изображений всадников на конях. Один размахнулся лассо, другой натянул тетиву лука, третий с мечами или ножами скачет вдогонку за горным козлом, рядом прирученная собака. На соседнем камне человек держит козла за рога. А вот какая-то магическая сценка: мужчина в ритуальном танце тянется к другой фигуре, возможно, женщине.

Чаще других можно наблюдать изображения животных, особенно горного козла. Козлы с вытянутыми загнутыми рогами, козлы с рогами, закрученными в спираль и т. д. Все фигуры выбиты в профиль. Техника исполнения одна и та же: точечная отбивка. Нередко встречается на рисунке олень (бугу) с ветвистыми рогами — священный тотем далеких времен местного киргизского племени. Несколько реже — верблюд. На камнях можно узнать быка, собаку, лошадь, барса. Фигуры животных выполнены вполне в реалистической манере, поражают мастерством первобытного художника. Многие фигуры даны в динамике. Каждый рисунок и сюжет — настоящее произведение древнего искусства. Наиболее восторженные поклонники последнего усматривают в этих рисунках даже печать индивидуальности художника. Но в целом для них, конечно, характерны общие традиции, приемы изображения и сюжеты, отражающие магические, религиозные и бытовые моменты из жизни древнего общества.

Иссык-кульские наскальные рисунки показывают, что ранние формы искусства были непосредственно связаны с трудовой деятельностью человека, сюжеты их тесно переплетались с мифологией и религией древнего общества. Это было то самое нерасторжимое единство, которое искусствоведы называют первобытным синкретическим культурным комплексом.

Сколько лет
рисункам!

В качестве исторического первоисточника наскальные рисунки использовать довольно сложно, так как они очень трудно датируемы. Даже ученый-археолог, специально занимающийся изучением петроглифов — наскальных рисунков — в большинстве случаев не может с желаемой точностью ответить, к какому времени относится тот или другой сюжет. Условно считают, что самые ранние рисунки относятся к бронзовому веку. Самые поздние — к XIX веку (если не принимать во внимание современных автографов и подражаний старине). Большинство рисунков, несомненно, древние и являются произведениями ранних кочевников. Это можно установить по различной технике нанесения

наскальных рисунков и различному их стилю. Но какой именно рисунок к какому времени относится — сказать не так-то просто.

Археологи при датировке памятников используют главным образом сопоставительный метод: например, время создания наскальных рисунков можно определить путем соотнесения их с рисунками на камнях, костях или дереве из соседних могильников или поселений, время создания которых уже установлено по другим критериям. При датировке нужно учитывать и возможность наложения молодых рисунков на древние изображения. Это дает основание к относительной хронологии: сюжеты поглотенные, нижние, более древние, а верхние, наслоенные, более молодые. Чтобы решить задачу с датировкой рисунков на камнях, разбросанных среди иссык-кульских могильников, Д. Ф. Винник решил раскопать несколько курганов, расположенных между валунами с наскальными рисунками. Только рассмотрение рисунков в комплексе с археологическим материалом из курганов внесло бы ясность в вопросы хронологии. В 1972 г. наиболее привлекательные из курганов были раскопаны. Но археологов постигла неудача — не такой уж редкий гость в археологических поисках. Все курганы оказались полностью разграбленными. Лишь в одном обнаружили череп с явными следами от трехгранной стрелы. Сравнения и аналогии не получилось. Но идея заманчива, и поиски еще не закончены.

Остается неразрешенным и вопрос о назначении наскальных рисунков. Более всего оснований считать их скопление своеобразным культовым храмом под открытым небом, местом поклонения древних кочевников.

Таким образом, ближайшая задача ученых заключается не только в том, чтобы точно датировать наскальные изображения, но и в том, чтобы постичь смысл и предназначение иссык-кульской художественной галереи — этого уникального памятника первобытного искусства.

У подножья
Хан-Тенгри

...Рисунки осмотрены, все камни обследованы. Можно двигаться дальше. В соседнем труднодоступном горном районе находится творческая мастерская другого первобытного художника. Уже не скульптора и гравировщика, а живописца. Оказывается, и в Киргизии, в высокогорном Тянь-Шане, там, где вознесся гордый пик Хан-Тенгри (6995 м), можно встретить цветные росписи — один из уникальнейших памятников искусства каменного века на территории нашей родины. Его история и седа, и одновременно молода.

...Четверть века тому назад в «Известиях Всесоюзного Географического общества» появилась статья археолога А. П. Окладникова и альпиниста В. И. Рацека, вскоре привлекая всеобщее внимание в нашей стране и за рубежом. Для своего времени это было сенсационное открытие: в районе крупнейших ледников Тянь-Шаня — Иньльчек, всего в 15—18 км от ледников Семенова и Мушкетова, по правому берегу р. Сары-Джаз — одного из истоков р. Тарим — в пещере Ак-Чункур (букв. «белая яма») были обнаружены уникальные

рисунки. Художник каменного века выполнил их охровой краской прямо по стенам и потолку пещеры.

Пещеру первым обследовал и снял на план альпинист В. И. Рацек. Во время многочисленных его странствий по Тянь-Шаню и покорений неприступных вершин местные охотники и скотоводы высокогорных пастбищ нередко рассказывали о большой пещере в верховьях р. Сары-Джаз. Пещера якобы прорезала с юга на север весь хребет Терскей Ала-Тоо и выходила на поверхность в ущелье Джергалан. Охотникам и застигнутым непогодой животноводам она служила надежным укрытием и ночлегом. Расположенная в каменистом известняковом утесе на высоте 3 тыс. м над уровнем моря, пещера даже по внешнему признаку обнадёживала: она вполне могла представлять убежище первобытному охотнику многие тысячелетия назад. Когда В. И. Рацек поделился своими соображениями с известным палеолитчиком страны А. П. Окладниковым, тот предложил включить в ближайшую альпинистскую партию археологов. Так, в 1953 г. вместе с альпинистами к пещере пошли молодой казахский археолог Х. А. Алпысбаев и художник Л. В. Юрасов.

Уже первый осмотр поразил воображение: при мерцании лампочек фонаря на ступенчатых, переходящих в свод стенах пещеры проступали очертания живописных рисунков. Казалось, первобытный художник орудовал вместо кисти пальцем руки, обмакнутым в охровую минеральную краску. Здесь и групповые сцены, и отдельные фигуры, и причудливые фантастические изображения неизвестных животных. Небольшой, заложенный археологами тут же раскоп дал уникальную находку: на полуметровой глубине в кострище был обнаружен рог горного козла, внутренняя полость рога сохранила следы охры. В руках ученых оказалась первая в мировой истории палитра, которой пользовался палеолитический художник. Его произведения, тысячелетиями скрывавшиеся во мгле пещеры, предстали перед людьми космического века во всем своем многообразии.

В статье ученых в «Известиях Всесоюзного географического общества» пещерные рисунки были не только описаны, но и приведены, правда, в черно-белой прорисовке (см. стр. 68). Все изображения были сконцентрированы в шести группах. Вот две схематично выполненные человеческие фигурки, как бы устремленные в беге (1). Второй сюжет (5) намного сложнее и его расшифровка гораздо условнее: вероятно это какая-то охотничья сценка. Часть человеческой фигуры здесь вплетается в сложный рисунок, на котором можно различить соединенные друг с другом изображения лука с тетивой, человека вниз головой и сильно стилизованное контурное изображение животного.

Самая обширная и представительная третья группа рисунков (6). Вверху слева — фигура человекообразного существа с обращенной назад головой и с поднятой вверх и загнутой рукой. Фигура переходит в нижней части в торс животного с подогнутыми передними и задними ногами и загнутым вниз крючком-хвостом. А рядом... средневековый несторианский крест, нанесенный черной краской. В правом нижнем углу композиционно сложная сцена: короткая вертикальная

полоса с отходящими от нее двумя отростками; квадрат с вписанным в него тамгообразным знаком из вертикальной линии с поперечниками на концах; антропоморфная фигурка с овальной головой и крылоподобными свисающими вниз руками; фигурки, напоминающие человека, кустообразное изображение, отдельные соединенные линии.

В четвертой группе (4) нечеткие, едва видимые две фигуры и живо переданное изображение быка: крупный торс, круто выгнута спина, напряженная поза и угрожающе загнутый вперед рог.

Интересна следующая группа: (2) хорошо знакомая по графическим наскальным рисункам фигурка горного козла с большими дугообразными рогами, загнутыми на спину. Рядом волнообразно извивается змея, ее голова округла и поднята в угрожающей позе. Ниже схематическая фигура человека с поднятыми вверх руками. Человек стоит на змее, изогнувшейся подобно лодке. С головой змеи перекрещивается голова второй, круто извивающейся в два колена змеи, напоминающей кобру. Она передана очень реалистично и с большой экспрессией. В левом нижнем углу — снова схематическое изображение горного козлика.

И последняя — шестая группа (3), состоящая всего из двух фигур: как бы написанной отдельными мазками человеческой и крестообразного знака — не исключено, что это также часть человеческой фигуры.

Все рисунки размером 13—15 см, выполнены они нанесением охровой краски пальцем прямо на стены пещеры, в архейской манере и близки как по стилю, так и по сюжетам многочисленным графическим изображениям на камнях.

В пещере были отмечены и следы более позднего времени — несторианский крест, характерный для средних веков, а также 23 вертикальных строчки буквенных надписей, сделанных черной краской. Надписи не расшифрованы.

Вопрос датировки наскальных рисунков, как уже говорилось, сложен и во многом противоречив, но ак-чункурским рисункам повезло. В заложенных здесь же шурфах было обнаружено несколько камней со следами обработки их человеком. О том, что в пещере жили люди, свидетельствовали и небольшие орудия из черного роговика и красного непрозрачного камня. Каменные орудия при сопоставлении с подобными изделиями из других мест, довольно точно датировались — неолит. Следовательно, к этому же времени — 8—3 тыс. лет до н. э. — отнеслись и красочные пещерные росписи. С такой датировкой пещера и ее настенные рисунки вошли в научный оборот, в фундаментальные труды ученых, в многотомную «Историю Киргизской ССР», в школьные учебники по истории Киргизии.

А. П. Окладников и В. И. Рацек с присущим им энтузиазмом высказались за необходимость дальнейшего всестороннего изучения пещер Тянь-Шаня, которые могут хранить многочисленные тайны древнейшего прошлого человечества. К сожалению, последователей у них не нашлось. Более двух десятилетий пещеру так и не посетил ни один археолог.

**Наш путь
в пещеру**

Летом 1977 г. разведочная группа Института истории Академии наук Киргизской ССР в маршрут археологических поисков следов древних горнорудных разработок в высокогорной Сары-Джазской долине включила и пещеру Ак-Чункур. В составе группы вместе с автором были: геолог О. В. Антонов, фотограф Ю. Н. Михайлов, краевед В. Г. Ратман и, к сожалению, ни одного палеолитчика.

Старенький «уазик», обогнув южный берег Иссык-Куля, въезжает в Пржевальск — в основную отправную базу альпинистов и геологов.

6 июля с первыми лучами солнца «уазик» уже мчал по прекрасной асфальтированной дороге на Теплоключенку. Далее Ново-Вознесеновка и живописное ущелье Тургань-Аксу. Внизу с грохотом перекачивала валуны горная река. По склонам — зеленые свечи знаменитых тянь-шаньских елей. Неожиданно опустился туман. Сразу стало прохладно, но мы были готовы к этому. Знали заранее: все тепло останется внизу — вместе с Иссык-Кулем, несмотря на то, что июль — самый жаркий месяц года. Далеко позади — и асфальт, и населенные пункты. Медленно, но упорно объезжаем камни, поднимаемся по крутому склону в гору, вперед — на перевал Чон-Ашу, расположенный почти на четырехкилометровой высоте над уровнем моря (точнее — 3982 м). Особенно трудны и опасны одиннадцать серпантинов.

На перевале нас встретил снег, поднялся ветер. Это была уже настоящая зима. Небольшая стоянка и спуск по ущелью, где глубоко внизу шумит река Оттук, к слиянию ее с Сары-Джазом. Обычно в Оттуке вода чистая, а Сары-Джаз всегда несет массу глины. Но сейчас после снега и дождя вода в обеих реках была одинаково мутной.

...Наступила холодная лунная ночь. Долго горел на берегу Сары-Джаза костер. Мы были в Центральном Тянь-Шане, среди высочайших его пиков, у истоков крупнейшей реки Таримской системы, вблизи теплого киргизского «моря», на пути к истокам древнейшего искусства.

**В пещере
Ак-Чункур**

Утром в ярких лучах солнца величественно проступил весь горный хребет и знаменитый пик Хан-Тенгри. Не только высокогорные вершины, но и подножья были покрыты снегом, правда, свежим. Путь к пещере лежал влево от дороги, вверх по Сары-Джазу. Дороги никто не знал, но статья Окладникова и Рацека служила хорошим путеводителем. Попутно регистрируем встреченные могильники, отдельные наносим на план. Вот и точный ориентир — по левому берегу Сары-Джаза серповидное озеро. Пещера Ак-Чункур должна быть по правому берегу в известняковом утесе прямо напротив озера. Так и есть. Теперь мы видим и черный треугольник входа в пещеру. Уже вечер и основные заботы — по разбивке лагеря. Ставим палатку, разводим костер. Темнота наступила сразу — густая, с яркими блестящими звездами.

Итак, мы у цели своего путешествия. Над нами на высоте 132 м над руслом Сары-Джаза чернел вход в пещеру. Около 400 метров довольно крутого подъема, и мы в пещере. Вход трапециевидный, ширина его внизу 4 м, сверху — 10 м, высота боковых стен 8 и 6 метров.

Пещера естественная, карстового типа, в мраморизованных серых известняках. В отличие от пещер Южной Киргизии не имеет сталактитов, сталагмитов и других кристаллических образований. Возникла пещера, несомненно, в ледниковый период. Над пещерой заметные аллювиальные речные наносы из хорошо окатанной гальки и валунов, ниже пещеры встретили окаменевшую улитку. Делаем детальный обмер и составляем план пещеры по азимуту. Тускло светят шахтерские лампы и карманные фонарики. Ищем рисунки. Стены и свод покрыты мелкими шероховатыми наростами кальцита и серой пылью, отдельные места отполированы до блеска. Дно пещеры выстлано плотной красно-коричневой глиной — продуктом распада известняков, в конце пещеры от застывших натеков оно покрылось такырными плитами. На 22-м метре от входа образовался завал, однако легко проходимый. Пещера имеет уклон до 10°, заканчивается расширяющейся камерой. Длина пещеры 52,3 м, ширина — от 1,2 до 9 м, отдельные своды достигают высоты 12—13 м.

Обследование задней стенки пещеры показало, что пещера не заканчивается одной галереей, как думали ранее, а имеет продолжение. На высоте около 8 м оказался вход в другую галерею. Однако из-за отсутствия веревок и лестницы мы не смогли детально ее изучить. Местные жители утверждали, что она по своим размерам аналогична первой.

Тщательно обследовали все стенки и своды пещеры в поисках рисунков. Дело в том, что предшествующие исследователи указали их расположение довольно неточно — «на ступенчатых, переходящих в свод стенах пещеры». Слабые лучи фонарика вырывают в сплошной темноте просветленные пятна. Метр за метром пройдена вся пещера. Только автографы нашествия современных посетителей. Возвращаемся. От проникающего из входа дневного света — полумрак. К надписям туристов добавляется копоть от недавно в изобилии горевших костров, мазутных факелов, и снова жирные масляные автографы. Своды покрыты коркой выветривания, затрудняющей осмотр первичной поверхности стенок. Но вот, наконец, и росписи. С трудом просматривается человеческая фигура с поднятыми руками, рядом — расплывчатое изображение, напоминающее змею. Две змейки и два каких-то знака, либо переплетение фигур. Вот и все, что осталось от рисунков, зафиксированных учеными четверть века назад.

Решили посмотреть, что хранит в себе культурный слой пещеры. Забили три шурфа — в конце, середине пещеры и при входе в нее. Те же самые мелкие отщепы, небольшие косточки и... альчик. Обыкновенный бараний альчик. Он имел сквозное отверстие и, вероятно, носился в древности как амулет. Это еще одно свидетельство существования определенных эстетических потребностей у древнего человека. В хронологически более поздних курганах сако-усуньского типа, датируемых VII в. до н. э. — III в. н. э. довольно часто встречаются такие амулеты-альчики, но для каменного века — это только начало. Некое культовое начало,

которое станет впоследствии традиционным для кочевого населения на протяжении более чем тысячелетнего периода истории.

Беречь и изучать ...Продолжаем внимательно, до боли в глазах, до галлюцинаций всматриваться в пещерные своды. Слабый свет от наших фонариков, возможно, не позволил всесторонне и тщательнейшим образом рассмотреть и без того нечеткие и расплывчатые рисунки. Однако, несомненно, часть их, причем большая, погибла безвозвратно. И мы можем быть только признательны А. П. Окладникову, В. И. Рацеку, Х. А. Алпысбаеву, Л. В. Юрасову, 25 лет назад зафиксировавшим еще первобытную свежесть рисунков и опубликовавшим свое исследование, ставшее теперь единственным источником сведений о каменных полотнах первобытного художника.

9 февраля 1979 г. газета «Советская культура» опубликовала критическую статью «Костры в пещере Ак-Чункур уничтожают уникальный памятник культуры», в которой с сожалением отмечала: «Представители местных Советов, в частности, Иньильчекский Совет народных депутатов Ак-Суйского района Иссык-Кульской области даже не знали, что на их территории находится такая достопримечательность и что по закону они должны осуществлять контроль за ее сохранностью!» Газета призвала общественность республики сберечь эту художественную галерею первобытного искусства. Памятник был взят под особую охрану и уже в 1981 году по инициативе Киргизского добровольного общества охраны памятников истории и культуры его всесторонним изучением наконец-то занялись ученые Института истории Академии наук Киргизской ССР.

О пещерных изображениях горных козлов мы вспомнили, когда спустились вниз по Сары-Джазу и далее по Иньильчеку к речке Каинда. На правом ее берегу полуметровый, покрытый темно-коричневым глянцевым загаром камень с такими же графическими козликами, выбитыми точечным приемом.

И этот, самый высокогорный и суровый район был обжит в глубокой древности. Люди охотились, разводили скот, чувствовали, верили, призывали духов в помощь и т. д. Графика на камне, красочные рисунки на стенах пещеры являются первыми образцами художественного творчества кочевников и охотников. Жители каменного века Прииссыккуля как и пещерные обитатели Франции и Испании, древнейшие художники Сахары, авторы знаменитых енисейских писаниц оставили нам свое представление об окружающем мире, его видении и понимании.

В специальной литературе содержится много размышлений о функциональном назначении первобытного искусства. Почти столько точек зрения, сколько и исследователей. Но большинство сходятся на том, что функции эти не были однозначными. Сюжеты рисунков позволяют говорить о таких функциях ранних форм искусства, как идеологическая — культовые и магические изображения, сцены плодородия; познавательная — реалистические изображения животных и сцен охоты, пахоты; эстетическая — она не была самоцелью, но сущность ее заложена в самой основе искусства.

Все эти функции присущи и иссык-кульским наскальным рисункам.

Наскальные рисунки Киргизии — это своеобразные художественные шедевры первобытной эпохи. Анализируя их, ученые приходят к выводу о том, что древний художник обладал инстинктивным пониманием простейших принципов композиции: ритмическим построением групп, сценичностью, круговой или фризовой организацией элементов на плоскости, масштабным выделением смысловых центров, что имело существенное значение для эмоционально-действенного воплощения художественного замысла.

Первые краманьонцы Иссык-Куля стремились упорядочить свои представления об окружающем мире и средствами искусства противостоять невзгодам жизни, бороться с неведомыми, необъяснимыми силами природы.

От первобытных наскальных полотен художник последующего периода переходит к ювелирным изделиям. Сако-усуньский период донес до нас образцы художественного ювелирного искусства так называемого «звериного стиля», от которого уже один шаг до объемной человеческой скульптуры — древнекаменных тюркских изваяний. Но это уже новые самобытные страницы истории.

Глава третья

В ПОИСКАХ КЛАДА

Легенда
или быль!

...Лазутчики принесли страшную весть. Верить не хотелось, но черные слухи распространялись немолимо: десятки тысяч монгольских всадников, все разрушая на своем пути, движутся в Семиречье. Агенты Чингисхана запугивали правителей, сеяли слухи. Началась паника и в столице Караханидского государства — Баласагуне. На минарете Бурана днем и ночью дежурили дозорные, до боли в глазах всматриваясь вдаль.

Несторианская колония близ города — осколок христианства в мусульманском мире — была обеспокоена заботами о сохранении многочисленных богатств и втайне начала снаряжать караван. До двухсот верблюдов были нагружены золотом и серебром — спасали сокровища и церковную утварь. Караван под видом торгового в строгой секретности тронулся на юго-восток, вглубь Тянь-Шаня. И вовремя. Караханидские правители без боя сдали столицу полководцам Чингисхана, за что монголы назвали Баласагун «хорошим городом». Все окрестности были вытоптаны монгольской конницей, и земледельческие оазисы на столетия превратились в скотоводческие пастбища.

Пройдя Кегетинским урочищем, караван по Кочкорской долине спустился к Иссык-Кулю. Далее повернули в сторону от традиционного торгового тракта и пошли по северному побережью озера. Остановки были очень краткими, проводники неразговорчивыми. Передышку сделали лишь у монастыря на берегу озера. Пополнили караван верблюдами, заменили некоторых лошадей и спешно двинулись дальше. Вот уже заметно как северный берег Иссык-Куля смыкается с южным. Их разделяет лишь узкая полоска воды — Тюпский залив. У истоков Тюпа нагнала страшная весть: монгольские отряды организовали погоню и выслали на перехват к Санташу отряд. Караван оказался зажатым между хребтом Кунгей Ала-Тоо и озером. Впереди ожидала засада, сзади надвигалась погоня. Что оставалось делать? Выбора не было. Монахи решили спрятать богатство. Нужно было найти укромное место. Вернулись к речке Кулжменты. Здесь по-над берегом

в ущелье тянулась цепочка древних курганов — намогильных памятников некогда могущественным вождям кочевников. Незаметный, но надежный ориентир. Курганы достигали более 10 м высоты и уже более тысячелетия с молчаливым равнодушием взирали на «бренности бытия».

По цепочке курганов пошли к истокам реки. Щербатыми трещинами скалились выходы известковой породы. Утес, поросший красавицами елями. По склонам — валуны и огромные плоские камни. Мерный шум и бурлящие заводы реки. Вокруг ни души. Здесь и решили оставить клад.

Проводники наметили потайную пещеру. Тюки с золотом поднимали по крутым склонам на себе. На 25-метровой высоте расширили вход в грот и на веревках подняли тюки. Пещера шла в сторону и вниз на десяток метров. Было темно и сыро. Тускло светили факелы. С трудом расширили основание пещеры и в беспорядке посбрасывали вниз тюки. Клад заложили плитами, плиты засыпали двухметровым слоем земли. С лишними свидетелями монахи разделались просто: убили погонщиков верблюдов и грузчиков и на них навалили еще двухметровый слой земли с камнями. Чтобы скрыть все следы — к пещере провели воду из ближайшего родника, а в наполненное озеро для маскировки спустили тушу черного быка и набросали слой из оленьих рогов. Заканчивали работу монахи в мрачном одиночестве. Замаскировали вход в пещеру. Место запомнили по валуну, который пометили несторианскими крестами. Страшной клятвой поклялись хранить тайну и ни под какими пытками не выдавать богатства и христианские реликвии диким завоевателям.

Камень стал священным. В последующем, даже многие века спустя, паломники издалика приходили поклониться молчаливому стражу с несторианскими реликтами. Но тайна клада оставалась нераскрытой.

Это один из вариантов легенды о богатом кладе, спрятанном на Иссык-Куле в далекие времена, кладе, будоражившем воображение людей многих поколений. Дело в том, что нашествие Чингисхана, копытами коней вытоптавшего все живое и задержавшего на века цивилизацию к западу от Монголии, оставило печальный след в памяти народов. Как мусульмане, так и христиане предавали анафеме жестокие подвиги средневекового грабителя, возвысившего разбой в ранг государственной политики. Поэтому не удивительно, что и многочисленные легенды о кладах связаны с периодом монгольского нашествия, когда население прятало от разбойников все, что можно.

Существует и другая версия легенды. По ней обладателями золотого клада на 60 верблюдах были калмыки, непродолжительное время господствовавшие на Тянь-Шане в XVII—XVIII веках. Они-то якобы и зарыли его то ли в верховьях р. Тюп, то ли по склонам р. Курменты. Местные старики — киргизские аксакалы рассказывали, что в свое время в поисках клада принимал участие известный киргизский манап Шабдан Джантаев со своей дружиной. Даже производили раскопки.

Первые поиски Как бы то ни было, легенда, каких немало ходит по свету, неожиданно вновь привлекла к себе внимание в начале XX века. Это было время великих революционных потрясений и трагических судеб, трудового энтузиазма масс и мистических воззрений повергнутого класса. В русских эмигрантских кругах Восточного Туркестана неожиданно оживила и забытая была легенда об Иссык-кульском кладе. Некий священник, уже будучи на смертном одре и не имея наследников, передал план клада своему товарищу Успенскому. Они вместе бежали после революции на чужбину и там мечтали о возвращении на родину. Духовник поведал, что в сокрытии клада участвовали его предки и что теперь он, оставшись один, передает эту тайну ближайшему другу, чтобы тот употребил ее на пользу отчизны.

В 1919 г. по декрету Советской власти эмигранты получили возможность возвратиться на родину. Те, кто не имел за собой особых преступлений, потянулись в Россию. Возвращались и семиреченские казаки, бежавшие в Китай после разгрома белых войск и подавления мятежей. Вернулся на Иссык-Куль и Успенский. Заветный план клада будоражил воображение.

Шли годы мирного труда. Успенский освоился с новым положением. Неоднократно облазил верховья Тюпа и Курментов, сверяя план с местностью. Наконец, отправная точка поиска была найдена. Нашлась и группа энтузиастов. В 1927 году 14 человек в глубокой тайне приступили к раскопкам.

Надо сказать, что после революции слухи о всевозможных кладах пользовались большой популярностью, да и имели под собой немалые основания. Богачи и прямые разбойники в смутные времена зачастую прятали ценности в укромных местах. Ходили разговоры о несметных богатствах «царских» курганов. Археологи в то время уже приступили к работам: археологическую карту составлял П. П. Иванов, вскоре начали раскопки крупных курганов ленинградские археологи М. П. Грязнов и М. В. Воеводский. Поэтому и действия кладоискателей в Восточном Прииссыккулье никого особенно не удивили, а они начали копать в соответствии с отмеченной на плане точкой у молитвенного камня.

Слой земли чередовался со слоем рогов, затем — снова земля и человеческие кости. Дошли до мощных плит с надписями, прикрывающих, согласно рассказу духовника и плану, сам клад. Здесь нашли два молотка — один золотой, другой серебряный. Они были когда-то оставлены на плитах забывчивыми хозяевами. Перед завершающим этапом раскопок решили отдохнуть и отметить заметные успехи. И здесь произошел обвал. Весь труд пропал даром — пещера внозь оказалась завалена горной породой. Природа противилась грабителем. Дальнейшие работы местные власти, узнав о них, запретили.

Эти события и рассказ о них также можно было бы отнести на счет многочисленных легенд, если бы через три года один из раскопщиков не принес в пржевальский золотоснаб и не сдал государству тот самый золотой молоток.

**Ученые не остались
в стороне**

Интересно, что в том же 1927 году поисками клада был занят и другой человек — начинающий краевед-археолог, которому позднее было суждено стать известным ученым-востоковедом — П. П. Иванов. Наслушавшись многочисленных рассказов местных жителей о кладах, он решил проверить Каменское ущелье (по-киргизски Чон-Байсаурын) — наиболее часто упоминавшееся в рассказах. По преданиям там должен находиться камень с неизвестными письменами и сокровища, только уже не христианские, а калмыцкие. Калмыки для преграждения входа в пещеру с сокровищами отвели воду от соседней реки по искусственному руслу и сделали водяную завесу в виде водопада. Точное место клада называлось Бурган-су, т. е. «отведенная вода».

14 августа П. П. Иванов в сопровождении местного жителя Н. Г. Лященко выехал в Каменское ущелье. К ним присоединились двое возвращавшихся в свои айлы киргизов, которые и стали их проводниками. Они точно указали место Бурган-су и даже видневшийся издали водопад. Пришлось преодолеть несколько опасных переходов через горные реки и даже заночевать в еловом лесу, прежде чем достигли указанного ориентира. Лошадей оставили внизу и крутой тропинкой по каменистому склону поднялись к водопаду. Его ложе представляло собой две плоские, почти горизонтальные площадки около 8 кв. м. Уступ водопада также плоский и гладкий. Воды немного. И никаких следов пещеры и признаков древности. Тщетно П. П. Иванов искал прорубленные контуры двери, про которые ходило так много рассказов.

На другой день крестьяне убеждали разочарованного ученого, что он был совсем не там, где нужно, и что его сознательно ввели в заблуждение проводники. Однако трудная и безрезультатная поездка охладила кладоискательский пыл П. П. Иванова.

**Четверть века
спустя**

Прошло еще четверть века, прежде чем легенда, а точнее немногие из оставшихся в живых кладоискателей не заинтересовали припрятанными древними сокровищами соответствующие учреждения и, в первую очередь, геологов.

И вот наконец, в 1951 г. поиски повели по всем правилам геологоразведочных работ. Были тщательно обследованы верховья и притоки рек Тюп и Курменты. Вскоре обнаружили следы старых раскопок. Они скорее напоминали остатки древних горнорудных выработок. Углубились по ходу пещеры на 20 м — никакого клада не обнаружили, но наткнулись на подземное озеро. Для выведения его вод требовалось отвести по новому руслу реку. Работы на время прекратили. Вход на всякий случай замуровали бетонной плитой. Интерес к кладу пропал.

Археологи, немало слышавшие в своей жизни легенд в отношении почти каждого крупного памятника старины, с легкой иронией относятся обычно ко всем сообщениям о кладах. Скептически относятся к ним и специалисты-геологи, хотя излишним было бы еще и еще раз перепроверять эти сообщения уже с помощью новейшей аппаратуры.

Радиоволновый метод разведки, например, позволяет с поверхности земли, без нарушения сплошного массива, обнаружить любое вещество на глубине до 70 м, электрические свойства которого отличаются от воздуха. Два маленьких неказистых ящика, в которых помещаются датчик и приемник радиоволн, могут показать любую неоднородность грунта на значительной глубине. Представим себе, насколько увеличится коэффициент полезного действия археологов, если прежде чем приступить к раскопкам кургана с помощью такого радиоглаза провести определение его содержания: ограблен ли он, как большинство степных курганов и египетских пирамид в древности, или нет; совершенно пустой или грабители кое-что в нем «позабыли», т. е. есть внутри предметы, отличные по структуре от грунта, или нет. Хотелось бы такую аппаратуру видеть в качестве помощника ученых при определении перспективных скрытых археологических объектов.

Шамсинский клад Легенды до сих пор продолжают жить и будоражить воображение. Нередко они рождаются уже после знаменитых археологических открытий или неожиданных находок, таких, например, какие были сделаны в Шамсинском ущелье и урочище Иссык.

Находки эти имеют прямое отношение к иссык-кульским памятникам, хотя и отстоят от них на расстоянии до сотни километров, так как дают возможность представить, что могли бы обнаружить ученые в иссык-кульских курганах, не будь они ограблены еще в глубокой древности.

Связь эту позволяют провести и те единичные и случайные находки, которые были сделаны учеными в разграбленных иссык-кульских курганах. Изучение этих находок показало, что они аналогичны материалам шамсинского и иссыкского курганов — пока единственных вблизи Иссык-Куля памятников такого рода, сохранивших до наших дней все погребенные в них богатства — и хронологически синхронны им.

Неожиданность и ценность таких находок позволяет классифицировать их в науке как к л а д ы:

Шамсинское ущелье расположено в нескольких километрах к югу от тракта Фрунзе — Иссык-Куль. Оно стало обрести легенду после сенсационной находки 1958 г.

В начале августа во время сельскохозяйственных работ на полях совхоза «Шамси», в двух километрах от выхода речки в Чуйскую долину, колесо комбайна неожиданно провалилось в яму. Тракторист и комбайнер бросили работу, взялись за лопаты. Грунт был твердый, глинистый, но под ним — пустота. Это был катакомбный курган — древнее захоронение с полой камерой.

Спустившись в яму, механизаторы разгребли тонкий слой осыпавшейся земли. И вдруг!.. Тусклый блеск золота. Золотые украшения. Ожившая легенда, о встрече с которой тайно мечтаешь с детства.

Вот и высохшие, распавшиеся кости скелета того, кто некогда, был, видимо, могущественным. Почти две тысячи лет назад его бога-

то украсили, наложили на лицо маску из листового золота и захоронили в кургане, среди подобных усыпальниц знаменитых предков.

В тот же день в Президиум Киргизской Академии наук позвонили: высылайте специалистов — в кургане нашли золотой клад. Назавтра археологи в сопровождении руководства Академии были в Шамси.

С приездом их была выставлена охрана и раскопки продолжили по всем правилам.

В первую очередь у кургана оказались ученые археологи Петр Никитич Кожемяко и Дмитрий Федорович Винник. Они первым делом произвели тщательный внешний осмотр. Ничего особенного. Когда-то здесь был курганный могильник, но в результате многолетней распахки, он превратился в ровное поле пшеницы. Только случайность открыла вход в катакомбу. Его осторожно расширили, сняли насыпь и просеяли через сито все содержимое кургана. Три дня под проливным дождем Д. Ф. Винник упорно расширял раскоп кургана, но новых находок почти не было.

Обнаруженный курган располагался на правой террасе ущелья, но могильник целиком был сnivelирован под пашни четыре года назад и все остальные курганы сравнены с землей. Если бы под тяжестью комбайна колесо не провалилось в яму, о могильнике никто бы и не вспомнил.

Расчистка показала: курган относится к захоронениям типичным для кочевников IV—V вв. н. э., к так называемым катакомбным памятникам. В земле делался подкоп и вырывался свод-катакомба, которая оставалась полой. На дневной поверхности возводилась насыпь из камней и земли.

В шамсинском кургане была захоронена женщина. Она лежала в гробу из тонких досок, скрепленных медными скобами. Гроб покоился на слое из древесного угля. Череп, как это было нередко в ту пору, искусственно деформирован. У кочевников катакомбной культуры существовал обычай — с рождения пеленать голову ребенка так, чтобы череп рос удлинненно вверх. Такие характерные черепа ученые относят к катакомбной культуре первых веков нашей эры. Вопрос о том, какой именно народ ее оставил, все еще дискутируется в научных кругах. Но большинство склоняется к тому, что носителями катакомбной культуры были гунны. Те самые гунны, которые участвовали в великом переселении народов и в IV—V веках способствовали крушению могущества Римской империи. Именно те, которые участвовали в формировании этноса современных венгров, в названии которых (хунгры) и сейчас чувствуется дыхание далеких ветров истории.

Обладательница шамсинских богатств была, без сомнения, знатного происхождения. На ее лице покоилась золотая маска размером 20×15 см. Специалисты даже усматривают в ней черты монголоидности (гунны были тоже монголоидны). Глаза миндалевидной формы были из камня сердолика. Нос маски — накладной, краями припаян к ее основе. Щеки покрыты татуировочной насечкой. По краям маски видны отверстия: она крепилась, видимо, посредством ремешков на голове.

Возле черепа лежала золотая диадема и три пары золотых подвесок — для косы и на уши. В захоронении также были обнаружены медальон, ожерелье и широкий кожаный пояс с двумя пряжками. Особенно примечателен медальон: миниатюрный женский барельеф из янтаря и граната в золотом обрамлении. Лицо также восточного типа: мягкий овал, те же миндалевидные глаза, высокий лоб, нос с горбинкой, широкие скулы, полные губы. Трудно удержаться от восприятия медальона как портрета самой погребенной. Таким образом, и форма черепа, и черты маски, и рельефный портрет медальона — все свидетельствует только о восточном типе женщины.

На костяке лежало четыре браслета из нефритового камня дымчатого цвета и два массивных перстня в золотой оправе. Здесь же находились миниатюрный золотой сосудик для благовоний, серебряная ложка, золотые бубенчики и другие украшения. За гробом в могильной яме были оставлены большой глиняный сосуд, бронзовый котел с четырьмя ручками, деревянная чаша, богато украшенная конская сбруя. При расчистке кургана обнаружили много костей животных.

Шамсинскому кладу повезло. Он оказался одним из немногих (едва ли не один на тысячу), который избежал разграбления. То ли потому, что служил потайным захоронением, то ли еще в глубокой древности внешние признаки кургана исчезли под воздействием дождей и ветров, то ли грабители начали свое дело, но не закончили, а все шедшие по их следам считали курган ограбленным. Эту загадку уже не разгадать. Известно, что захоронения вождей и представительей скотоводческой родоплеменной знати уже в древности неумолимо влекли грабителей. Обычай богатых захоронений вызвал к жизни и профессию грабителя. Вспомним знаменитые египетские пирамиды. Никакие строгости, моральное порицание и вооруженная охрана, потайные камеры и ухищрения не спасали древние курганы от грабежей. И первое, с чем сталкивается современный ученый-археолог во время раскопок, — это следы, оставленные древними грабителями: воронки и боковые лазы в курганах, разбросанные костяки, разбитая посуда и почти полное отсутствие драгоценного инвентаря и оружия. Лишь оставленные грабителями ненужные им предметы, да случайно второпях потерянные вещи являются, как правило, добычей археологов и достоянием науки.

Поэтому с полным правом такие находки археологи называют кладом. И шамсинский курган более известен как шамсинский клад. Он был в свое время описан П. Н. Кожемяко и И. К. Кожомбердиевым (рукопись хранится в фондах сектора археологии Института истории АН Киргизской ССР) и вошел в Каталог выставки древнего киргизского искусства, организованной в Государственном Эрмитаже.

Золотой джейран Иногда в силу каких-то причин древние грабители оставляли в курганах, понятно не по доброй воле, единичные вещи, в том числе ювелирные украшения. Характерный пример этому — раскопки археолога В. П. Мокрынина в местности Туура-Суу в 1971 году.

Туура-суйский могильник сакского времени (V—III вв. до н. э.) оказался полностью ограбленным, причем каждый из одиннадцати курганов грабился неоднократно. Могильник попадал в зону затопления создававшегося здесь Торткульского водохранилища, поэтому археологи вскрывали все курганы методически, один за другим. Было от чего прийти в уныние: отсутствовала даже керамика. Лишь отдельные фрагменты незначительных предметов, ничего интересного. И вдруг в самом последнем, одиннадцатом кургане — сенсация: грабители в спешке потеряли одну из деталей богатого головного убора — золотую фигурку бегущего джейрана.

Как правило, предметы сакского искусства плоскостные. Лишь аму-дарьинский клад да вот иссык-кульский курган дали объемные фигурки. Объемным был и туура-суйский джейран. Его ноги крепились к двум горизонтальным пластинкам, которые в свою очередь прикреплялись в качестве деталей к какому-то, вероятнее всего, головному убору. Бегущий джейран с загнутыми вверх рожками зафиксирован в момент, когда он припал на вытянутые вперед ноги, готовясь к новому толчку задними. Фигурка выполнена с большим художественным мастерством и знанием природы. Она еще в древности подвергалась «реставрации» — передние конечности спаяны, а к задней правой ноге припаяна пластинка, что свидетельствует о каком-то вторичном использовании фигурки, помимо ее первоначального назначения.

Тайник иссыкского кургана

Удача и случай в работе археологов нередко соседствуют, но удача приходит к тому, кто энергично, последовательно, со знанием дела ведет поиск.

Самым знаменитым в Семиречье, несомненно, является клад, обнаруженный казахскими археологами при раскопках иссыкского кургана.

Богатое захоронение саков относится к V в. до н. э. и по своей сохранности, количеству золотых вещей, высокой технике изготовления украшений, предметов вооружения и быта является поистине уникальным. Содержимое этого клада было подробно описано в книге заведующего отделом археологии АН Казахской ССР К. А. Акишева «Курган Иссык». История раскопок кургана такова: в 50 км к востоку от Алма-Аты на берегу р. Иссык располагался хорошо и давно известный археологам могильник из 45 курганов с явными признаками древнего ограбления. Раскопки отдельных курганов полностью подтвердили заключение: полное разграбление. Под планировочные работы при строительстве дороги попадал один из этих 45 курганов. Его диаметр — 60 м, высота — 6 м, на вершине — большая воронка, глубиной почти в 2,5 м. По склонам кургана валялись выброшенные древними грабителями камни. Поскольку курган подлежал нивелированию бульдозером, ученые организовали археологический надзор и стали фиксировать каждый снимаемый слой земли.

После того как насыпь была снята, на глубине чуть более метра от древнего горизонта открылось два захоронения: центральное, полностью и неоднократно грабившееся, и боковое, в южной части насыпи,

которое грабители не смогли обнаружить. И здесь долготерпение археологов было вознаграждено. Перед глазами ученых предстала погребальная камера из стволов тьянь-шаньской ели, многочисленная керамическая и серебряная посуда, наконец, нетронутые останки погребенного юноши в полном убранстве. Здесь и золотые изделия, украшавшие одежду, головной убор и обувь, предметы вооружения, туалета, многочисленная бытовая утварь, золотые серьги, массивная золотая гривна, золотая статуэтка горного барана — архара, золотые бляхи, золотые нашивки и т. д., и т. п. Было от чего закружиться голове. Но блеск золота тут же затмило художественное совершенство предметов древнего искусства.

Два года медленно сантиметр за сантиметром археологи расчищали курган, еще три года занимались восстановительными и реставрационными работами, итогом которых явилась экспозиция «человека в золотой одежде» в музее археологии Академии наук Казахстана. И еще пять лет научно-исследовательской и издательской работы, пока не увидела свет книга об этой уникальной находке — самом драгоценном из кладов древнейших жителей Казахстана и Киргизии VIII—IV вв. до нашей эры. Древние персидские источники называют их саками, Геродот и другие античные авторы — азиатскими скифами. Этот народ оставил самые внушительные в отечественной истории курганы, на которые и сейчас любознательный путник может обратить внимание при путешествии вокруг Иссык-Куля, на севере Киргизии и на юге Казахстана. Их раскопки обогатили науку высокохудожественными предметами так называемого «звериного» стиля.

Барскаунская коллекция

До последнего времени существовало мнение, что тончайшие ювелирные изделия, изображающие переплетающихся в причудливых позах зверей и птиц, изготовленные из золота и серебра, — привозные и что местные среднеазиатские племена были не в состоянии достигнуть такого высокого мастерства художественной обработки металла. Это мнение бытовало до находки иссыкского клада и до изучения барскаунской коллекции. Причем, если иссыкские находки изготовлены из золота, то барскаунские — из меди, и для науки последние оказались более ценными, так как они позволили доказать несомненную принадлежность этих древних шедевров искусству местных художников и ювелиров. Научное «открытие» барскаунского клада произошло совершенно случайно.

...13 сентября 1973 года. Свежее осеннее утро на берегу Иссык-Куля. Густая роса покрыла траву и кустарники. К семи утра солнце поднялось над горным кряжем. Мы наскоро позавтракали и собрались в маршрут. Поднимаемся на правый берег террасы. Здесь когда-то была кокандская крепость, но во время восстания киргизов против ханского гнета в 1842 г. ее гарнизон был уничтожен, а стены продолжали стоять еще более сотни лет. Внизу грохочет река Барскаун. Она вырывается из теснины скал, где в старые времена через нарынские сырты пролежала одна из ветвей торгового тракта, связывавшего Ферганскую долину с Восточным Туркестаном.

В низовьях реки в средневековье существовал город, как ставка местного правителя. Барскаун (точнее Барсхан) значит буквально «хан барсов» — один из титулов крупного придворного феодала, от него и пошло название города и местности. Археологи датируют культурные слои города VI—XII веками. Разрушен он был теми же самыми неумолимыми монгольскими полчищами.

По пути заходим в местную школу, так как слышали, что здесь собран кое-какой краеведческий материал и осматриваем его: старые советские монеты, одежда XIX века, случайные археологические находки — керамика, бронза и т. д. Среди них есть и представляющие интерес. Д. Ф. Винник обратил внимание на хорошо сохранившийся средневековый кувшин с четко прочерченным орнаментом. Орнамент этот широко используется и сегодня при изготовлении киргизских войлочных ковров-ширдаков.

В. П. Мокрынин с любопытством рассматривает редкостные бронзовые предметы — детали явно древнетюркского поясного набора. В свое время некоторые элементы такого набора нашел А. Н. Бернштам при строительстве Большого Чуйского канала. Аналогичный набор был найден также Мокрыниным. Барскаунский пояс дополнял эти находки и, несомненно, нуждался в научном описании и регистрации. Обнаружен он был рабочими соседнего села Бозбешик при строительстве котлована и передан в школьный музей.

Вот рядом с тюркским поясом лежит кiset. Беру его в руки. Что внутри: монеты, украшения, огниво и кресало? У меня на руке потемневшие медные пластинки, заготовки с готовыми оттисками. Медленно перебираю по одной: четко проступает стилизованное изображение тигровой морды. Одна, вторая, третья и так далее. Изображения напоминают что-то очень хорошо знакомое, хотя и вижу их в первый раз. Всплывают в памяти знаменитые пазарыкские курганы Алтая. Там только вечная мерзлота помешала грабителям растащить погребенные драгоценности. И здесь и там — чисто скифское (сакское) искусство, типичный «звериный» стиль. Несомненно, предметы уникальные и опять в форме клада. От того, что он медный — ценность его не уменьшается.

Заключение ученых было единодушным: в наших руках ценный для науки памятник — древние украшения, предметы сакского искусства примерно VI—V вв. до н. э. Сплюснутый сверху и снизу кошачий лик. Хищная тигровая морда как бы улыбается, прищулив удивленные глаза. На планках — отверстия для нашивки украшения на одежду. Точно такие же, как на украшениях из иссыкского кургана. Как же попал этот клад в школу и когда?

В школьном музее клад с 1967 года. В то лето во время одного из краеведческих походов учителя М. Узакбаев и К. Ибраев со школьниками решили внимательно осмотреть могильник юго-восточнее села Барскаун в местечке Кок-Ой. На одном из курганов над обрывом заметили щель. Расширив ее, оказались в погребальной яме, где и собрали эти украшения, а также обрезки медных пластин, напоминавшие рабочие заготовки. Это и были действительно заготовки для украше-

ний, без сомнения свидетельствовавшие о местном происхождении предметов искусства, о его высоком развитии, о богатых традициях и широком распространении от Дальнего Востока до Восточной Европы.

Школьные экспонаты были сфотографированы на черно-белую пленку и слайд и отправлены для полного исследования и изучения археслогам Института истории республиканской Академии наук.

Интересно, что незадолго до этого, в 1969 г. был вскрыт и знаменитый иссыкский курган с его удивительными трофеями и их подлинно местное происхождение удалось доказать именно барскаунскими находками. Таким образом, трофеи иссыкского и барскаунского курганов уже связаны воедино и в науке неразделимы.

**Находки
продолжаются**

Иссык-Куль чрезвычайно богат археологическими кладками и неожиданными находками. Самые первые упоминания о них относятся к 1842 году.

Неподалеку от мыса Кара-Бурун на южном побережье озера волнами выкинуло огромной величины медный котел, который был переправлен к ханскому двору в Коканд, немало сакских котлов экспонируется и сейчас в Пржевальском музее. Но наиболее примечательные из случайных находок — это знаменитые иссык-кульские жертвенники сакского периода. Дореволюционные находки их затерялись, но затем были обнаружены в 30-х годах и переданы в Эрмитаж, где и сейчас представляют сакскую культуру. Мы расскажем о самой последней такой находке.

Летом 1976 г. школьники с. Чельпек, что в нескольких километрах от Пржевальска, обратили внимание на торчащий из края обрыва металлический предмет. Его подкопали и вытащили. Это был бронзовый стол на ножках, тут же нашли обломки бронзовых котлов, можно сказать, традиционный набор иссык-кульского жертвенника, аналогичного найденным в Семиречье и на Тянь-Шане. Но он в своем роде был уникален. Стол — тяжелый поднос с бортиками — стоял на четырех ножках, оформленных в виде женских фигур. Из четырех сохранились только две фигуры, совершенно идентичные. Они уникальные, так как во всех других дошедших до нас жертвенниках человеческих фигурок не оказалось. Женская фигурка — одно из немногих сохранившихся до нашего времени изображений сакского человека и единственная объемная скульптурка. Все остальные были барельефами. Высота скульптуры 22 см, внутри полая, художественное исполнение вполне реалистичное.

Попробуем взглянуть внимательно в скульптурные изваяния из меди, сделанные две с половиной тысячи лет назад на берегах Иссык-Куля. Отчетливо просматриваются черты мягкого удлиненного лица: миндалевидные глаза, широкий приплюснутый нос, узкие тонкие губы. На голове обруч в виде диадемы. Обнаженные до плеч руки подняты над головой и как бы поддерживают стол, у запястья отчетливо видны браслеты. Одежда состоит из кофты-безрукавки, украшенной елочным рисунком, и юбки, слегка расклешенной книзу.

Сохранились также две фигурки безрогих яков, некогда венчав-

шие края бронзовых котлов. Яки лежали набоку, подогнув ноги и повернув анфас головы. Длина фигурок 7,5 см, высота — 4 см. Фигурками яков были украшены все края котлов, сохранились же лишь две. Произведенные на этом месте Д. Ф. Винником археологические раскопки позволили обнаружить лишь следы долговременного костра и обломки массивной жаровни, а также многочисленные фрагменты керамической посуды. Таким образом, и эта находка оказалась случайной, и найдена она была не в храмовом святилище, как полагалось бы, а в разрушенном кургане. Опять — клад.

В настоящее время жертвенник экспонируется в Республиканском историческом музее г. Фрунзе.

...Иссык-Куль богат кладами, наибольшую ценность из которых порой представляют даже не золотые изделия, а художественные произведения из менее благородных металлов — меди, бронзы.

А воображение по-прежнему щекочит легенды и мифы о десятках верблюдов, груженных золотом, о пещерах и курганах с несметными богатствами. Археологи продолжают раскапывать ограбленные в древности курганы, радуются единичным находкам, выискивают древние рудные разработки, по крупницам восстанавливают былую историю народа. И каждое новое сообщение о кладе, или о любом археологическом предмете, переданном в музей и попавшем в руки ученых для исследования, может способствовать заполнению еще одной страницы истории жизни, быта, культуры древнего общества. Клады стали служить науке.

Глава четвертая

ПОДВОДНЫЕ ТАЙНЫ

Инициаторы

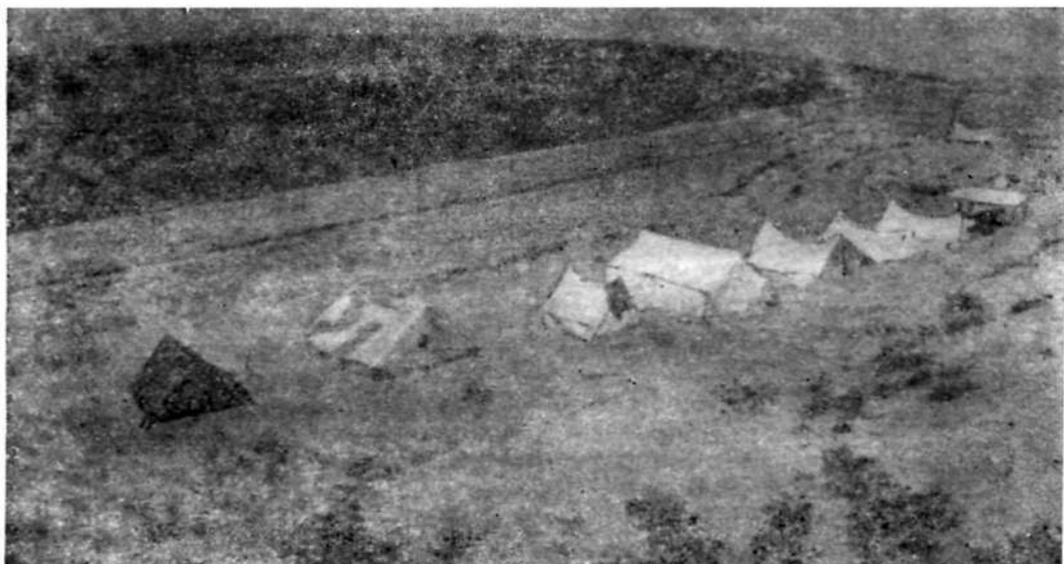
Еще не приступили к работам, а уже начался археологический бум. Весть о том, что на Иссык-Куле намечается проведение подводных археологических исследований разлетелась быстро. В Институт истории Киргизской Академии наук посыпались письма от школьников Ленинграда, студентов Свердловска, научных сотрудников Москвы — отовсюду шли заявки с просьбой включить в состав экспедиции. И даже от отряда аквалангистов ГДР. Всех привлекало необычайное по своей красоте голубое озеро, тайны древности, романтичность раскопок под водой.

Идея подводных разведывательных работ, которая родилась еще в прошлом веке, была подана вновь в 1956 г. научным сотрудником Института истории АН Киргизской ССР К. И. Петровым. По его мнению, работы целесообразнее всего было начинать с обследования подводных остатков — настилов бревен, глиняных сосудов и других предметов, которые жители близлежащих окрестностей и приезжие путешественники якобы видели с поверхности озера на его дне. К. И. Петров, как и другие, предполагал, что это возможные остатки погружившейся в озеро крепости XV в. Кой-Сары. О ней упоминалось в «Тарихи Рашиди» — «Рашидовой истории» автора первой половины XVI в. Мухаммеда Мирзы Хайдара.

Заманчивая идея обследования «подводного города» была поддержана директором и сотрудниками Института, последовала совместная разработка планов, были обсуждены вопросы материального обеспечения экспедиции.

Условия работы требовали специальной подготовки и определенных навыков в области подводно-археологических исследований. Ю. Д. Баруздин и К. И. Петров связались с ЭПРОНОм КБФ (Экспедиция подводных работ особого назначения Краснознаменного Балтийского флота). Был сформирован отряд подводной археологической экспедиции. Возглавил его Дмитрий Федорович Винник.

Первым погружением на Иссык-Куле предшествовала длительная тренировка на Комсомольском озере. Первые же столкновения с

Лагерь археологов на берегу Иссык-Куля.

практикой показали, насколько осторожно и серьезно нужно подходить к подводным работам.

В течение двух месяцев — апреля—мая 1959 г. тренировки были завершены. На вооружении отряда имелись аппараты двух конструкций: кислородный аппарат «ИСА—М—48» и более усовершенствованный акваланг «Подводник—1». В них под водой можно было находиться до 45 минут. В июне 1959 г. отряд приступил к работам. Впервые мечта исследовать подводные памятники озера стала реальностью. Правда, в предшествующем году прибрежное дно озера Иссык-Куль в районе с. Курское по инициативе начальника комплексной археолого-этнографической экспедиции М. Айтбаева было осмотрено легководолазами ДОСААФ Киргизской ССР, но это было не профессиональное обследование, а скорее проверка на возможность подводных работ.

В результате рекогносцировочных погружений у северного побережья озера извлекли несколько обожженных кирпичей, фрагменты керамической посуды и куски водопроводных труб, окислившиеся бронзовые наконечники стрел и обломки железных ножей, кости людей и животных. Это была лишь разведка, подтвердившая целесообразность проведения планомерных подводных археологических исследований.

Перед первым в республике подводным археологическим отрядом, скомплектованным в 1959 г., стояло четыре задачи, а именно: составление археологической карты памятников, находящихся под водой; сбор подъемного материала и проведение раскопочных работ; увязка данных обследования подводных археологических памятников

с памятниками прибрежной полосы озера и предгорной части котловины; выяснение исторической топографии средневекового Прииссык-куля.

...Тору-Айгырский затон на северном берегу озера. Д. Ф. Винник празднично торжественен. Напряжены ребята. Волнуется инструктор А. Матиенко. Даже водитель перестал возиться с вечно барахлившим мотором старенького «Газика». Повар забыла про кипящий казан. Немало любопытных собралось на берегу: здесь и босоногие вездесущие мальчишки, и степенные седобородые аксакалы, и отдыхающие. Еще бы, водолазы будут искать сокровища древних, погребенные в волнах Иссык-Куля!

Именно здесь озеро неизменно выбрасывало на берег, особенно после штормов, многочисленные осколки гончарной посуды, называемые на языке археологов керамикой, окислившиеся медные монеты, обожженные кирпичи, отдельные непонятного назначения предметы. Но работа оказалась намного прозаичнее радужных мечтаний. Погружение шло за погружением. Рабочие дни из праздника превратились в будни, но интересных находок и следов бывших застроек в этом районе обнаружить так и не удалось.

Но археологи не унывали. Их влекла романтика будущих открытий. Все уже знали наизусть стихотворение В. П. Филатова об Иссык-Куле, посвященное основателю подводной археологии проф. Р. А. Орбели. Нередко можно было слышать как то здесь, то там декламировались строки о происшедшей некогда трагедии на берегах Иссык-Куля.

«В былые годы, в век минувший
В меня был город погружен,
И этот город потонувший
Доныне мною сохранен...
Участники гигантской драмы
В моих водах нашли конец.
О небо, ты увидишь храмы,
Среди зубчатых стен — дворец.
Он весь зарос травой дикой,
Полуразрушен древний храм,
Покрытый скользкой мозаикой.
Белеют кости здесь и там.
Безглазый череп из под шлема
Улыбку тяжкую хранит,
На мертвых пленниках гарема
Запястий золото блестит.
Из лабрадора изваяний
Герою памятник взнесен,
И под парчою златотканной
Объял царевну вечный сон...»

...Тщательно обследуя прилегающее к берегу дно озера, медленно продвигались на восток. Некоторое оживление произошло у с. Чирпыкты, где из воды подняли фрагменты поливной посуды и кости жи-

вотных. Никто не роптал: понимали — открытия в труде, кропотливом напряжении монотонных будней, упорстве и настойчивости. А руководитель был одержим, одержим фанатически: планами, работой, мечтами. Вечера не были однообразны. Веселый костер с неизменным медным чайником, обжигающая алюминиевая кружка и беседы, беседы, беседы. Винник рассказывал захватывающие истории. Перед глазами вставало многовековое самобытное прошлое горного края, история героическая и трагическая, история грабительских войн и жестокой эксплуатации, история путешествий и открытий. Но более всего слушателей интересовала история подводных развалин, о которых они уже слышали столько разнообразных и противоречивых легенд, что совместить их было просто невыносимо. Здесь за костром впервые и был прочитан вводный курс в подводную археологию. Ее история — история подводных развалин и их изучения — охватывает века, свыше полтысячелетия. Но интерес к подводным развалинам особенно всколыхнулся после добровольного вхождения Киргизии в состав России, когда была предпринята дерзкая попытка организовать подводные археологические работы — впервые в истории!

Первые шаги в планомерном исследовании Иссык-Куля были сделаны в 1867 году. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора коллежский секретарь Буняковский, топограф поручик Китаев и штабс-капитан — известный уже в то время писатель и художник — Каразин были командированы в г. Верный «для собрания сведений о Иссык-Кульском крае как по части топографической, так и по части естествознания».

Но уже в декабре того же года неожиданно дается отбой. Китаев и Каразин успели доехать только до Верного, как новым распоряжением туркестанского генерал-губернатора «по изменившимся обстоятельствам» исследования были приостановлены. Сведения об одной из первых, правда неудачных, попыток именно планомерного исследования Иссык-Куля содержатся в архивном деле, озаглавленном «Переписка туркестанского генерал-губернатора с военными губернаторами областей по вопросу о назначении Китаева и Каразина в экспедицию с целью изучения Иссык-Кульского края», начатом и оконченным в 1867 году.

К этому времени сообщения о подводных развалинах Иссык-Куля уже возбуждали и отнюдь не праздное любопытство туркестанских властей. Купец Исаев, проходивший караванными тропами Прииссык-куля в 1824—1830 гг., составляет в 1857 г. по просьбе казахского ученого Чокана Валиханова записку, в которой упоминает о подводных развалинах Иссык-Куля справа от впадения в озеро реки Тюп.

«Видимые в воде здания складены из камня, — писал Исаев, — только надобно заехать на лошади сажень до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто был город тут величайший и сделалось наводнение и будто не было до этого тут озера». Сам Ч. Валиханов развалин не наблюдал, хотя на озере бывал неоднократно.

Слушал от местных киргизских жителей рассказы об исчезнувших под водой постройках П. П. Семенов-Тянь-Шанский. 13 июня 1857 г. он побывал на мысе, вдающемся в озеро в восточной его части, между устьями рек Тюп и Джергалан, видел на берегу выброшенные волнами кирпичи, из которых были возведены подводные строения. Сопоставив этот факт с историческими свидетельствами, П. П. Семенов высказал предположение, что здесь ранее был остров, на котором Железный Тимур держал своих знатных пленников. Семенов-Тянь-Шанский подверг сомнению бытовавшее априорно сказание, что затопленный город был некогда — во II в. до н. э. — столицей усуньского народа под названием Чигу, хотя не исключал возможности отнесения подводных развалин к античному времени. Укрепление, по его мнению, существовало в XIV и XV веках, исчезло под водой позже XVI в.

О подводных замках упоминали и мусульманские средневековые историки Араб-шах и Мирза Хайдар. Их сведения перекликались с данными итальянской карты. Дело в том, что на Каталонской карте 1375 года, которую Семенов видел во время путешествия по Венеции в начале 50-х годов XIX в., на озере Иссык-Куль был отмечен город с тем же названием. Город Иссык-Куль был обозначен на северном берегу и снабжен примечанием, что здесь находится несторианский монастырь «армянских братьев».

Следующей колоритной фигурой, с которой связаны сообщения о подводных развалинах на Иссык-Куле и первые практические шаги по их изучению, был Г. А. Колпаковский — военный губернатор Семиреченской области. В 1869 г. он посетил озеро. Проводники-киргизы показали ему подводные развалины на северном берегу в местности Кой-Су (у современного с. Курское) и на востоке в урочище Кой-Сары. Колпаковский обследовал развалины и краткую информацию о них направил в «Известия Русского Географического общества». Он писал о виденной им под водой обширной площадке, как будто специально устланной кирпичами, обломками посуды и костями. Встретилось под водой даже древнетюркское каменное изваяние. Чем дальше от берега, тем чаще встречались кучи кирпичей, лежащих в беспорядке. Причем кирпичи были самых различных видов: в изломе желтоватые, бурые, красные и даже черные.

Тогда-то и зародилась впервые мысль — не произвести ли подводные исследования с помощью водолазов. Непосредственным толчком к этому послужило получение Колпаковским с берегов Иссык-Куля первых археологических трофеев. Это были две медные чаши: одну вытащил на берег при впадении в озеро р. Кой-Су купавшийся киргиз, вторую, несколько меньших размеров, подарил Колпаковскому сарыбагышский манап Умбеталы Ормонов. В окрестностях озера были найдены и две серебряные монеты: одна на месте строящегося Каракола — будущего города Пржевальска, а другая — много западнее, неподалеку то Конгуролена. На малой чаше по краям арабской вязью — кувфическим шрифтом — был выведен витиеватый орнамент-надпись. Туркестанский чиновник Ибрагимов сделал перевод: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей

влаги... Похожий на розу напиток — сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслажденье». Это был гимн воде, дающей жизнь.

И Колпаковский развивает бурную деятельность по организации подводных исследований на Иссык-Куле. Он посылает письменное приглашение ученому А. П. Федченко, отдает распоряжение о строительстве небольшого парусного судна на Иссык-Куле, договаривается с неким частным лицом о строительстве восьмивесельного катера и т. д.

Дело о приобретении водолазного аппарата В архиве канцелярии туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте нами было обнаружено дело «Об археологических находках в озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра».

Каллиграфический почерк чиновников-переписчиков, убористая скоропись военного губернатора, предложения кронштадтского инженера, небрежные резолюции туркестанского генерал-губернатора. Все документы написаны от руки и представлены в одном экземпляре. И так...

3 ноября 1871 года Г. А. Колпаковский высылает в Ташкент генерал-губернатору К. П. Кауфману с Иссык-Куля археологические трофеи: медные чаши и серебряные монеты, сопровождаемые пространном письмом. «Вообще,— писал он,— загадочность Иссык-Куля с каждым годом усложняется и побуждает меня вновь заявить мысль о необходимости исследования... Для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение коего посредством частных средств более чем сомнительно. Не будет ли позволено выписать этот аппарат на кульджинские доходы?».

К. П. Кауфман благосклонно отнесся к этому предложению. По его распоряжению чаши были оставлены в Ташкенте в качестве экспонатов для будущего музея, монеты — переправлены на исследование в Археологическую комиссию С. Г. Строганову. А насчет водолазного аппарата и мастера решили обратиться в Кронштадт к строителю знаменитой крепости генерал-майору К. Я. Звереву.

16 декабря Кауфман пишет в Кронштадт. Письмо примечательно, поэтому приведем его полностью.

«Милостивый Государь Константин Яковлевич! Озеро Иссык-Куль, находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек в оное владающих в разное время

Водолазный костюм прошлого столетия, в котором предполагалось исследовать подводные древности Иссык-Куля.

древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время, изменившихся вследствие какого-либо переворота. К сожалению, археологические находки так же бедны, ибо добываются случайно не интересующимся наукою кочевым населением и притом так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу. Но так как загадочность Иссык-Куля с каждым годом приобретает все более интереса в научном отношении, то весьма естественно является мысль о необходимости исследования оногo. Главная остановка в настоящее время за водолазным аппаратом, а равно за мастером, которому можно было бы поручить подводные исследования.

Ввиду всего этого я имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбой, не найдете ли Вы возможности поручить кому-нибудь собрать сведения, что будет стоить водолазный прибор, наиболее прочный, и на каких условиях можно найти охотника приехать в здешний край и заняться изысканиями. При этом главным образом нужно принять во внимание, что как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий.

С истинным почтением и совершенною преданностью...»

Предложение заинтересовало К. Я. Зверева, и он взялся помочь Кауфману в приобретении водолазных аппаратов и подыскать профессиональных водолазов. Имевшиеся в Кронштадте водолазные скафандры были старой конструкции, приобретены более десяти лет назад, громоздки и не подходили для подводных археологических исследований. Зверев высылает Кауфману описание современных водолазных костюмов, наиболее совершенные из которых предлагал закупить в Англии или Франции.

Ученые
сомневаются, спорят

Но благим намерениям так и не суждено было осуществиться. Идея подводных археологических работ повисла в воздухе.

Через пятнадцать лет этот вопрос был снова поднят, уже учеными. Геолог А. В. Мушкетов, скептически относившийся к наличию подводных крепостей и считавший их особыми геологическими отложениями, в 1886 г. представляет в Русское Географическое общество доклад об организации экспедиции на горную систему Хан-Тенгри в Тянь-Шане. Поскольку такую экспедицию было целесообразнее всего снарядить в Караколе — первом городе на берегу Иссык-Куля, то ученый сам предлагал попутно проверить наличие остатков поселений на озере, выяснить искусственного или естественного происхождения эти подводные развалины.

Экспедицию возглавил горный инженер И. В. Игнатьев. На обратном пути с Хан-Тенгри в сентябре месяце он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь Игнатьев сумел найти жернова, гранитный шар неизвестного назначения, глиняную домашнюю утварь, скопление обожженных кирпичей, которые, по

заключению ученого, могли представлять только остатки разрушенных волнами стен.

Продолжателем экспедиции Н. М. Пржевальского в Центральную Азию М. В. Певцов во время пребывания в Караколе получил в дар от исык-кульского киргиза Джеламана две медные древние монеты, найденные в подводных развалинах. Местные жители неустанно рассказывали путешественнику о находках на дне Исык-Куля обломков глиняной посуды, медных котлов, монет, даже человеческих костей и черепов.

Казалось бы, вопрос решен, ясность внесена. Но еще и позже будут высказываться сомнения: естественные ли это туфы, которые игра воображения превращала в легендарные крепости, ушедшие в результате каких-то катаклизмов под воду, или действительно это остатки творения рук человеческих. Достаточно сказать, что два сотрудника одной и той же экспедиции могли высказать прямо противоположные мнения — художник С. Дудин и историк В. Бартольд. При содействии смотрителя таможни А. А. Михайлова (по имени которого, кстати, и названо село в устье реки Джергалан) С. Дудин в 1894 г. на лодке осмотрел побережье Кой-Сары.

Была ясная тихая погода, только мерно расходились круги от весел. Дно озера просматривалось на несколько метров. Спутники внимательно изучили дно, по которому расходились какие-то зыбкие изображения, и Дудин пришел к выводу, что это мнимые стены. Они, отмечает художник, «представляют собой толщи сланцевой глины, размытые водою, опустившись под озеро, они продолжали размываться, а поверхность их покрывалась (и продолжает покрываться) слоем туфа; в местах, где туф почему-либо держался не особенно прочно, его сорвало сильным волнением, и глина, ничем не защищенная, была вымыта, отчего и образовались ямы и воронки неправильных очертаний и различной глубины». Дудин заключает: все подводные стены — не что иное, как «ряд тонких слоев глины желтой с желтыми прослойками песка и даже гравия, т. е. представляет типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя».

Это мнение приводит в своем научном отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. В. В. Бартольд, ближайшим помощником которого в экспедиции был С. Дудин. Как истинный ученый, он привел мнение Дудина, но сам же постарался его и проверить. В этом же 1894 году он нанимает лодку и лично внимательно осматривает дно. Погода стояла неблагоприятная, по озеру шла рябь. Но под водой все же отчетливо видны были жернова, кирпичи, осколки глиняных сосудов, развалины стен. Все это было, несомненно, делом рук человеческих. И это было фактом. Но кому же принадлежали затонувшие постройки и предметы обихода? Находки не могли быть из размытых курганов-памятников древних жителей усуней, так как те считались кочевниками, а найденные же предметы старины относились к жителям оседло-земледельческой культуры. В. Бартольд по размерам кирпичей и фрагментам керамики датировал подводные развалины

средневековьем, отнеся их к оседлому населению, проживавшему здесь уже после XIII века.

Прекрасно зная средневековые мусульманские источники, В. В. Бартольд приводит упоминание в них свидетельства ибн Арабшаха и Мухамеда Хайдара о строительстве посреди озера Тимуром некоей крепости, заселенной татарами, уведенными из Малой Азии. Это место в источниках называется Кой-Су (букв. «баранья вода»). Будто бы один монгольский эмир послал туда в XIV—XV в. свою семью, чтобы обезопасить от набега врагов. Книги указывали на конкретные исторические факты, которые игнорировать было невозможно. Но с течением времени бывшие события в памяти народа стирались или обрастали легендами и из исторических преданий фактически превращались в мифологические сказания. «Киргизы, — писал В. В. Бартольд, — твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город; в середине города был колодец, закрывавшийся на ночь. Однажды какая-то женщина (по другому варианту — три странника) забыла это сделать; вода вышла из колодца и затопила город».

Иссык-кульская
легенда

Легенда популярная. Еще и сейчас можно встретить седобородого старика, который с удовольствием поведает ее за пиалой терпкого кумыса.

Впервые легенда о затопленной столице хана с ослиными ушами была напечатана известным краеведом, старожилом г. Пржевальска генералом Я. И. Корольковым в 1890 г. на страницах журнала «Восточное обозрение». Существует несколько вариантов этой легенды. Вот один из них:

«В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который славился не только своим богатством, но еще более своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Несмотря на старость, хан был сластолюбив, но он не знал ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевника есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Ни один славный джигит на поединке сложил голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка никто не мог узнать, да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом коне красавец-джигит, схватил ее и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила как с быстротою вихря неслись они вдвоем в недостижимой высоте, как он обнимал ее, целовал, а расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами

и предложили выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула:

— Я люблю другого, и ничьей женой, кроме своего возлюбленного, не буду!

Сказав это, девушка незаметно ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она поняла, что находится в плену у хана и решила лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец, хан решил силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

— Я люблю другого,— был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

— Нет, хан, я не буду твоей,— и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода, уже скрылись под водой остатки хакского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину».

Во всех легендах повествовалось о существовании в долине Иссык-Куля еще до образования озера города или по крайней мере построек богатого владельца: «Среди заснеженных киргизских гор в большой долине стоял прекрасный белый город...», «В древние времена в долине среди гор были владения одного богатого бая...» и т. д. Далее в легендах описываются различные варианты фантастического образования озера. Но легенды остаются легендами. И подходить к ним как к историческим памятникам, конечно же, нельзя, хотя сведения почти из каждой легенды о существовании на месте озера поселений довольно подкупающие и связаны с подводными развалинами. В легендах дошел до нас опозитизированный отзвук тех далеких времен, когда по берегам Иссык-Куля в действительности существовали населенные пункты. (Д. Ф. Винник нанес на археологическую карту свыше ста поселений). Сюжет о городе «вписался» в легенды уже после того, как вода покрыла остатки бывших поселений и люди видели их через толщу прозрачной воды Иссык-Куля. Как бы там ни было, но существует неоспоримый факт наличия развалин многочисленных построек, покоящихся на дне озера. И пока ученые не взяли в плотную за подводные археологические раскопки, их объяснение могло быть только умозрительным, лишь с определенной долей достоверности.

В решении археологической загадки исследователям пытались помочь геологи, гидрологи. Много сделал для этого акад. Л. С. Берг. Еще в 1904 г. он обобщил все имеющиеся сведения и гипотезы об Иссык-Куле и пришел к выводу, что находки под водой бытовой утвари должны показывать, что, во-первых, на Иссык-Куле имело место быстрое опускание, во-вторых, оно в то же время не было особенно интенсивным, так как развалины находятся недалеко от берега и неглубоко под водой. Итак, возникал вопрос: какая причина вызвала это явление и когда оно могло произойти?

Л. С. Берг просматривает старые газеты, пожелтевшие листы «Туркестанских ведомостей», выписывает факты.

После весьма сильного землетрясения 22 июля 1885 г., разрушившего г. Пишпек и несколько русских селений, через два года — 8 июня 1887 г. произошло новое землетрясение в Верном, отозвавшееся на Иссык-Куле. Газета по этому поводу писала, что на возможность землетрясения вблизи Верного указывало уже само озеро Иссык-Куль, образовавшееся вследствие сильного провала.

Провал Иссык-Куля, констатировала газета в 1887 году, произошел сравнительно не в очень отдаленные времена, может быть даже тогда, когда мусульманство уже проникло в Среднюю Азию. Кирпичи, которые выбрасываются на берег во время бури волнами озера, очень схожи с теми, которые находятся в развалинах времен монгольского нашествия на Среднюю Азию.

Кроме кирпичей и разных глиняных сосудов волнами выбрасывались и железные вещи. Однажды была выброшена медная, серповидная полоса и большой медный котел с рельефными украшениями по бокам. Несколько железных вещей из Иссык-Куля переданы в Ташкентский музей.

Причина одна — землетрясение.

Л. С. Берг и другие видные советские геологи в своем мнении были единодушны: подводные развалины на Иссык-Куле обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясения. Уже позже, осмотрев трещины в подводных стенах, Д. Ф. Винник также пришел к заключению, что они — следствие землетрясения. Район озера Иссык-Куль сейсмоопасная зона. Всем памятни недавние тупские землетрясения. Они не привели, как ранее, к большим смещениям береговой полосы озера, но разрушения были серьезными. Вся страна помогала иссыккульцам залечивать следы стихийного бедствия.

Время же определения землетрясения, погрузившего под волны озера прибрежные строения, было установить сложнее. Геологи оперируют тысячелетиями. Здесь же нужна была «ювелирная» точность — необходимо определить хотя бы столетие. Письменные источники о катастрофе не сообщали, мифы и легенды были слишком неопределенны. Память местного населения, передававшего свои генеалогические предания до седьмого поколения, не сохранила сведений о погружении, да и вообще о городах на берегу Иссык-Куля. Поэтому за решение загадки взялись археологи. В 1926—1927 гг. большие исследовательские работы на Иссык-Куле провел наш земляк, буду-

щий известный ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела подошел к изучению подводных тайн Иссык-Куля. П. П. Иванов на лодке обследовал все побережье северо-восточной части озера и зарегистрировал подводные развалины в районе Тору-Айгыра, Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары, отметил интенсивный спад уровня воды в озере и появление местами из-под нее отдельных развалин. П. П. Иванов отнес к единой культуре остатки средневековых памятников на побережье и в прибрежных водах. Заслуга ученого заключалась также в том, что он впервые, правда визуально, но снял на план широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождественные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминаящие улицы, либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т. д. По словам сопровождавших Иванова и помогавших ему местных жителей, отмель со следами подводных развалин тянулась в глубь озера на 2 км и шириной доходила до 600 м.

Понятно, что визуальный осмотр имел много недостатков, и самый главный — осматриваемые развалины были искажены толщей воды, а на глубине и вовсе не просматривались. Наконец, в 1939 г. на Иссык-Куль прибывают первые водолазы ЭПРОНа со специальным тяжелым оборудованием для изучения древностей Иссык-Куля. Однако из-за отсутствия судов, с которых можно было бы проводить погружение, планировавшиеся работы осуществить не удалось. Правда, даже если бы водолазам, которые не были учеными, и удалось бы погрузиться, то их тяжелые и неуклюжие костюмы вряд ли позволили бы успешно провести осмотр дна, не говоря уже о проведении элементарных подводных раскопок. Водолазы уехали, проблема осталась.

По мере развертывания археологических работ в Киргизии и особенно в Прииссыккулье, где широкие планомерные исследования начали проводить сотрудники Института истории Академии наук Киргизской ССР, интерес к подводным памятникам из простого любопытства перерос в научную проблему. Ее нужно было решать. Вот за эту-то трудную задачу и взялся Дмитрий Федорович Винник.

Таким образом, подытоживая исторический экскурс, можно придти к следующим выводам. Накануне специальных работ по подводной археологии в литературе имелось три точки зрения на иссык-кульские развалины. 1. Они естественного происхождения, и только воображение превращает их в остатки крепости; 2. Развалины древние, они относятся к античному времени, являются следами усуньского населения, жившего в начале новой эры; 3. Поселения средневековые, ушли под воду вследствие постепенного опускания суши после XVI в.

Задача требовала решения, тем более, что к этому времени было определено значение и разработана методика ведения подводных археологических работ. Их зачинателями в Советском Союзе являлись Р. А. Орбели и В. Д. Блаватский. Последний и дал Д. Ф. Виннику необходимые консультации по методике подводных археологических исследований на Иссык-Куле.

Первые трофеи аквалангистов.

**Под голубыми
волнами**

...Погружение шло за погружением. Радостно-торжественный настрой сменился нелегкими буднями, а сенсационных находок все не было. «Ради грамма радия — тонны руды!» — надежды не покидали археологов. Между селами Корумды и Темировкой, а также в зоне Григорьевской пристани на большой глубине прибрежной полосы обнаружили фрагменты котлообразных сосудов и горшков. Осколки посуды тянулись от берега в глубь озера на расстояние в 100 метров. Более разнообразными находки оказались у сел Ананьево и Каменка. Кроме многочисленной керамики археологи со дна озера подняли каменные зернотерки, каменный нож, кости животных, фрагмент бронзового котла с припаянной к днищу подставкой. Работы вели не только под водой. Самые трудоемкие — на берегу и даже вдаль от берега, у подножья гор. Земляные работы, пыль, жара. Озеро как на ладони, но в нескольких километрах. И только вечером живительная прохлада морской воды.

Многообещающей казалась стоянка у с. Ойтал. Здесь пробыли несколько дней. Дело в том, что на расстоянии 400 м от берега среди

волн поднимался небольшой островок размерами 4 на 7—15 м, весь буквально усыпанный глиняными черепками.

Обожженные кирпичи, черепки виднелись под водой и создавалось впечатление, что здесь когда-то было разрушено большое поселение. Станковая керамика уверенно датировалась X—XII веками, но здесь же были найдены и фрагменты с поливой — ярко-зеленого, голубого и сине-фиолетового цветов, характерной для XIII—XV веков. То и дело слышались возгласы: «Уникум», «уникум», «уникум» — самое любимое слово первого года работы. Подъемная керамика и подводные трофеи позволили четко определить хронологические рамки некогда существовавшего здесь поселения. Это был бурный полутысячелетний период с X по XV века — время возвышения караханидского государства, все уничтожающих полчищ татаро-монгольских завоевателей, грабительских походов Тимура и гнета тимуридских правителей.

Подводный мир зачаровывал. Одно дело, если смотреть на него через кино- и телеэкран, совсем другое, когда очутишься в полном безмолвии, наедине с живыми водорослями, мечущимися чебачками и стремительно величественной маринкой. Коричневый налет на камнях скрашивает как бы замаскированные обломки посуды. Поражали остатки крепостных стен и мощенная булыжником мостовая. Из XX века невольно мысленно переносишься в мифическую Атлантиду. Особенно сильны эти ощущения в местности Чон-Койсу, на отмели, которая протянулась с севера на юг и про которую так много писали путешественники.

Палатки разбили прямо на берегу, напротив отмели. Наутро моторная лодка на буксире вытягивала в нужную точку плотик, с которого и осуществлялось погружение. Сняли на план отмель шириной в 215 м, уходящую километровым языком на юг, в глубь озера. С восточной стороны отмель имела крутые — до 6 м — склоны, тогда как в западной части уклон был пологим. Погружение — и ты в легенде. Повсеместно обожженные кирпичи квадратной формы, характерные для X—XII вв., они перемежаются с прямоугольными кирпичами XII—XV вв. Вот остатки керамической водопроводной трубы уходят в илистый песок, встречаются керамические плитки шестигранной и прямоугольной форм с рельефным орнаментом, нередко плиты с голубой поливой, отсвечивающие желтизной кости животных. Внимательно обследуется дно, метр за метром. На берегу разбиты квадраты, на них раскладываются археологические трофеи озера.

В 212 м от берега на восточном крае отмели натолкнулись на стену из крупных камней. Стена продолжалась и уходила под толщу ила и песка. Поверх стены был положен бревенчатый настил из 18 жердей. Сверху на настиле — отложения каменистого туфа, который мешал всплытию бревен и удерживал их под водой. В 15 м от стены был обнаружен второй такой же настил. Медленно, стараясь не поднимать клубы ила и песка, проводили расчистку. Обнаружили несколько заплывших каменных выкладок — мощеного двора или пола дома, еще три стены, идущих параллельно друг другу с востока на запад,

а к юго-востоку от них — остатки постройки из жженого кирпича. Стены местами имеют вертикальные трещины — свидетельство гибели сооружения от разбушевавшейся стихии.

Все говорило о том, что некогда отмель была островом, на котором возвышалось кирпичное сооружение — крепость. Здесь вполне могли содержаться заложники из легенды. Легенда об иссык-кульском замке, в котором жестокий хромец Тимур содержал знатных своих пленников, постепенно наполнялась реальным содержанием. Добытый археологический материал подкреплял это предположение, были внесены коррективы и в хронологию — на острове жили не только в XIII—XV вв., но и много ранее — начиная с X века.

Раскопки подтвердили наличие интересных археологических памятников под водой, доказали, что их было намного больше, чем предполагалось, что погибли они в результате катастрофы — сильного землетрясения и последовавшего за ним опускания суши под воду. Научный итог уже первого года работы заключался в существенных коррективах в топографии средневековых оседлых поселений Иссык-Кульской котловины.

Исследования
продолжаются

Итак, год работы позади. Разъезжались с чувством удовлетворенности и твердой уверенностью — в следующем сезоне повезет больше.

Археологи уж стояли на пороге открытия, которое вело под волны Иссык-Куля.

Два следующих полевых сезона — 1960 и 1961 гг. оказались еще более насыщенными. Начали с «коронки» — знаменитого урочища Кой-Сары, уже более столетия славившегося подводными дарами. Исследованием охватили прибрежную полосу в 6 километров.

Сорок лет назад П. П. Иванов проследил здесь развалины на протяжении 600—700 м от берега. Но за прошедшие годы озеро существенно обмелело, уровень воды понизился на 3 м. Многие из того, что Иванов видел под водой, теперь было на суше, подводная кирпичная постройка оказалась южнее береговой линии на 1 километр. Теперь ее можно было раскапывать, не прибегая к аквалангу.

На всей территории, обнажившейся из-под воды, встречались черепки глиняной станковой посуды X—XII вв., обломки каменных зернотерок, обожженные кирпичи, разъеденные водой и воздухом медные монеты. По густому скоплению материала определили центр средневекового поселения — в западной зоне урочища Кой-Сары. К раскопкам на берегу в первую очередь и приступил отряд.

В 1969 г. Д. Ф. Винник в «Известиях» республиканской Академии наук опубликовал подробный отчет о работах 1960 года, озаглавив его «К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары». В нем он писал о том, что в 1 километре к югу от береговой полосы на месте скопления обожженного кирпича заложили небольшой раскоп 10 на 20 м. Но не прошли и полметра в глубину, как обнаружили кирпичные стены, уходящие в сторону. Раскоп расширили. Начали проясняться архитектурные формы. Определилась квадратная в плане постройка (стена в 14,2 м при толщине 2,4 м), ориентированная по

странам света. В каждой стене симметрично располагались трапециевидные ниши. Внутри застройки оказалось 13 костяков, расположенных на деревянных настилах в три ряда и ориентированных головой на север. Все говорило о том, что обнаружен гумбез — ритуальное надгробное сооружение. Способ захоронения и форма кирпича свидетельствовали о том, что гумбез являлся родовой усыпальницей и был характерен для XIII—XIV вв.

Рядом заложили еще несколько шурфов, выявивших остатки построек из жженого кирпича VIII—XII, реже XV вв. В 200 м от гумбеза на глубине полутора метров наткнулись на обломки водопроводной трубы, пошли по ним и выявили целые звенья труб водопровода, проложенного почти тысячу лет назад. Он состоял из керамических труб цилиндрической формы, длиной в 35—40 см, диаметром в 14—20 см.

К сожалению, все дальнейшие работы пришлось прекратить из-за быстрого заполнения раскопа подпочвенными водами. Далее археологический материал с побережья уходил под воду и просматривался уже на дне озера.

Отряд облачился в акваланги и тщательно обследовал прибрежную полосу озера от устья р. Джеты-Огуз до курорта Кой-Сары. Из-под воды подняли фрагменты керамики X—XII вв., два каменных жернова, разрозненные кости животных и человеческого скелета. Раскопки под водой привели еще к одному открытию: обнаружили шлаки металлургического производства, слитки кричного железа, выплавляемого местными жителями из прибрежного иссык-кульского железистого песка еще в глубокой древности.

В свое время много споров и оживленную дискуссию вызвала вскользь приведенная академиком Л. С. Бергом в его статье об Иссык-Куле фраза о некоей золотой испанской монете с восточного берега озера. Берг ссылался на известного немецкого ученого Рихтгофена, который слышал это от другого ученого — Дилька, а тот, якобы, узнал все это от иссык-кульского уездного начальника Чайковского. Золотая испанская монета могла убедительно свидетельствовать о широко разветвленной торговле на берегу Иссык-Куля в средневековье.

В целом нумизматические находки на Иссык-Куле хоть и не были частыми, но не были и редким исключением. Первые известия о кладе серебряных монет с Иссык-Куля относятся еще к 1847 г., когда местными киргизами на месте древних развалин по р. Каракол было обнаружено в земле 96 серебряных монет. В 1871 г. две серебряные монеты были отправлены в Археологическую комиссию. Туда же поступило и пять медных восточных монет в 1895 г. из Пржевальска. Сохранились сведения о древних монетах, подаренных М. В. Певцову его информатором Джеламаном.

Позже на Иссык-Куле были обнаружены и серебряные римские динарии I—II веков новой эры. Самая последняя нумизматическая находка относится уже к нашему времени. Эта монета, выпущенная в правление императора Диоклетиана между 284 и 305 годами в Александрии. Сделанная из меди и лишь едва посеребренная, она обра-

щалась по принудительному курсу и на Иссык-Куль попала вовсе не случайно. Монеты, точно датировавшие памятники, связаны с торговыми операциями на Иссык-Куле, начиная с первых веков нашей эры и до позднего средневековья. Поэтому особой мечтой археологов и было обнаружение монет в подводных развалинах.

В минуты отдыха Залив Кой-Сары удивительно красив. Особенно при закате солнца. Оно уже не грело, а лишь ласкало своими косыми лучами. Поистине «неаполитанский залив» — как назвал его приехавший к подводникам в гости ведущий археолог республики П. Н. Кожемяко. Ребята не только работали до седьмого пота, но и хорошо умели отдыхать. Грех было не пользоваться всей прелестью высокогорного взморья. На понтоне поставили парус, вместо якоря спустили на дно лом. С этого плавучего островка совершали погружения. Купались и отдыхали. Иссык-Куль тих и спокоен в ясную погоду. Но стоит облачком затянуть небо, с горнеожиданно спускаются тяжелые тучи, из ущелья вырывается ураганный ветер — улан (с запада) или санташ (с востока). Здесь не зевай: только успевай быстрее выбраться на берег. Не то унесет в открытое озеро и не жди добра.

Рабочие дни скрашивались, буквально, курортными днями отдыха. Что стоила одна подводная охота, когда на гарпун насаживаешь карпа, сазана или маринку, а вокруг мельтешат стайки чебачковой малюзги! Настоящие подводные заросли, коралловые рифы. Красота!

Еще один год работы в подводной иссык-кульской экспедиции. Новые обследованные районы побережья, новые находки, уточнение средневековой топографии поселений и курганных могильников.

Итоги Первый этап работы завершен. Результаты тщательно проведенных археологических подводных и прибрежных исследований убедительно показали: да, подводные развалины средневековых поселений VIII—XIV веков действительно существуют.

Принимая во внимание возраст подводных археологических объектов, а также геоморфологические данные, ученые пришли к заключению, что самое большое поднятие Иссык-Куля в историческое время произошло после XVI века, возможно в XVII веке, когда уровень озера поднялся на 20 м — до отметки 1620 м и подошел к водоразделу в урочище Кутемалды. Иссык-Куль стал проточным озером. Со второй половины XIX в. озеро начинает неуклонно усыхать и по мере отступления воды подводные археологические объекты вновь постепенно оказываются на побережье.

Проведенные исследования позволили нанести на карту новые археологические объекты, которых оказалось значительно больше, чем было визуально выявлено и зафиксировано за все предшествующее столетие. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате отступления береговой полосы, ранее находившиеся под водой развалины, оказались на берегу.

В средневековье здесь существовал большой город, занимавший площадь всего урочища. Он возник в VIII веке и прекратил свое су-

шествование в XVI столетии, что подтверждалось керамикой и находкой точно датированных монет. Позже городище ушло под воду и поражало воображение приезжих своими мифическими контурами. Волны размывали стены, рассеяли по всему побережью археологические предметы. Сейчас все эти развалины распаханы, от них не осталось и следа. Но до сих пор то там, то тут прибой — особенно после штормовых бурь — выносит на берег то осколок керамики, то глазурованную чашу, то обломок средневекового кирпича, а то просто отбеленную кость.

Впереди новые работы. Подводный мир Иссык-Куля требует их продолжения. Дно озера как песчаная пустыня. Где сегодня ничего не видно — завтра может быть вымыт и выброшен на берег уникальный сосуд или бронзовый котел, украшенный фигурками животных. Иссык-Куль по-прежнему полон тайн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иссык-Кульскую котловину называют уникальным археологическим музеем под открытым небом. Нам действительно хотелось бы видеть её в качестве музея со всеми его атрибутами: охраной и изучением памятников, их описанием и показом для посетителей, музея, как хранителя исторического прошлого и пропагандиста современной социалистической действительности. Ведь музеи представляют ни с чем несравнимую возможность для непосредственного контакта человека с историей.

По подсчетам ученых, общее количество так или иначе зарегистрированных археологических памятников в Иссык-Кульской области достигает примерно 1500. Но на самом же деле их значительно больше. Здесь встречаются почти все виды памятников, характерные для каменного, бронзового и железного веков. Здесь и стоянки под открытым небом, и пещеры первобытного человека, погребения и клады оружия и орудий труда эпохи бронзы, наскальные гравюры и настенные пещерные росписи, курганные могильники и тайники с различными драгоценностями сако-усуньского времени, каменные скульптуры и рунические письмена древних тюрков, развалины городских центров оседлого населения и средневековые поселения, скрытые водами Иссык-Куля, горнорудные выработки и остатки старой ирригационной сети, фортификационные памятники XVIII—XIX вв. и культовые сооружения киргизов. Иными словами, в Прииссыккулье представлены все периоды истории и все виды памятников, расшифровкой и исследованием которых занимаются археологи и историки, востоковеды, этнографы, лингвисты и другие ученые республики.

Изучение иссык-кульских памятников началось еще в дореволюционный период. Такие видные ученые своего времени, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч. Ч. Валиханов, И. В. Мушкетов, В. В. Бартольд, краеведы А. М. Фетисов, Ф. В. Поярков, Н. Н. Пантусов и другие впервые информировали научную общественность, главным образом через публикации на страницах журналов Русского Географического

Общества, о наскальных рисунках, курганах, каменных изваяниях, надписях, городищах и подводных развалинах Иссык-Куля. Но эти исследования носили эпизодический характер, зарегистрированные памятники никем не охранялись. Наиболее ценные из находок вывозились в областные или краевые центры, в частности, в Верный (Алма-Ата), Ташкент, и почти все оказались потерянными для науки. На местах памятники беззащитно разрушались: каменные изваяния использовали под фундаменты строящихся домов, средневековые кирпичные стены разбирались для новых построек, были случаи прямых грабительских раскопок курганов. Наиболее ценные находки и монеты оседали в собраниях коллекционеров и были недоступны для ученых.

Коренным образом изменились обстоятельства в советский период. Невозможно без волнения читать первые ленинские декреты об охране памятников, регистрации музейных и частных собраний.

Вот строки одного из первых представительных воззваний, пронизанных революционным пафосом тех лет.

«Граждане! Старые хозяева ушли; после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане! Берегите это наследство; берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вещей и предков ваших. Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди сумели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души. Граждане! Не трогайте ни одного камня; охраняйте памятники, здания, старинные вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это — почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство!»

С первых же дней Советской власти в нашей стране были заложены основы государственной охраны памятников истории и культуры. Уже в апреле 1918 г. В. И. Лениным был подписан декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики». На органы Советской власти были возложены обязанности по организации, учету и сохранению всех видов памятников, имеющих музейное значение, а через год В. И. Ленин подписал декрет об учреждении Российской академии истории материальной культуры, главной из функций которой стала «научная охрана памятников». Таким образом, в СССР охрана культурного наследия стала делом не отдельных меценатов, а всего народа.

Заложенные В. И. Лениным основы государственной службы охраны памятников истории и культуры в настоящее время закрепились рядом правительственных постановлений, Законом СССР и Законами союзных республик «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В Киргизии обеспечение сохранности, учет и регистрацию памятников осуществляют Министерство культуры республики и исполкомы местных Советов народных депутатов, содействуют государственной службе охраны памятников многочисленные ячейки Добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Изучением памятников занимаются научно-исследовательские учреждения, в основном Институт истории АН Киргизской ССР.

Уже в первые годы Советской власти поездки ученых в Иссык-Кульскую котловину сопровождались проведением широких разведочных работ и планомерными раскопками памятников. Полученный при этом археологический материал использовался для изучения истории края. Известный востоковед П. П. Иванов в 1926—1927 гг. составил первую археологическую карту Прииссыккуля, нанеся на нее 100 памятников, относящихся к различным историческим периодам. Через два года археологи М. П. Грязнов и М. В. Воеводский раскапывают крупные курганы в окрестностях г. Пржевальска и села Чельпек. На многие годы единичные находки из этих курганов стали как бы эталоном усуньской культуры древних кочевых племен, населявших не только Прииссыккулье, но и другие обширные пространства Средней Азии и Казахстана.

В 1937 году экспедиция Киргоспединститута под руководством Б. М. Зима обследует наскальные изображения и курганные могильники, несколько позже Семиреченская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама изучает городище средневековой области Верхний Барсхан на южном берегу Иссык-Куля. И, наконец, с 1950-х годов экспедиции под руководством научного сотрудника Института истории Киргизской Академии наук Д. Ф. Винника регулярно из года в год проводят разведочные поиски и раскопки всех видов памятников на территории Иссык-Кульской котловины, дающих возможность проследить исторический процесс за несколько сот тысячелетий. Составлена полная археологическая карта Прииссыккуля, составляется свод памятников Иссык-Кульской области, который включает археологические, исторические, архитектурные и мемориальные достопримечательности края с древнейших веков до настоящего времени.

Однако для гарантированной охраны памятников археологии и их изучения в соответствии с современными требованиями науки всего этого недостаточно. Необходимо проводить более широкие работы по консервации и реставрации памятников и по превращению их на базе археологических и этнографических раскопок в музеи под открытым небом.

К сожалению, еще нередко приходится сталкиваться с фактами отсутствия охраны памятников на местах. Интенсивное строительство и освоение новых земель, мелиорация и прокладка оросительных систем, строительство водохранилищ и промышленных объектов — необходимые и столь важные хозяйственные мероприятия — при формальном отношении к делу отдельных руководителей могут привести к безвозмездной утрате уникальных памятников и ценнейших исторических материалов. Хозяйственники и представители исполкомов местных советов даже зачастую могут не знать, о каких «буграх» идет речь, когда уничтожаются под ножом бульдозера или лемехом грейдера очередной курган или тепе — остатки поселения.

Разрушены курганы на местности, прилегающей к селениям Бозтери, Комсомол, Корумды, Темировка, Григорьевка, Семеновка и другим. В книге уже говорилось о покрытых копотью костров красочных рисунках эпохи камня и бронзы в пещере Ак-Чункур.

Погибли наскальные рисунки при строительстве Чолпон-Атинского аэропорта, но основная угроза им сейчас с другой стороны — от туристов и других всевозможных любителей увековечить память о своем невежестве непосредственно на древних наскальных рисунках. Еще весной 1972 г. Д. Ф. Винник привозил группу кинематографистов с оператором К. Орозалиевым снимать наскальные рисунки для цветного фильма о памятниках истории и культуры Киргизстана. Осенью следующего года многие рисунки были уже отмечены свежими автографами туристов.

Место скопления наскальных рисунков к северу от Чолпон-Ата — главного курортного центра Иссык-Куля — давно пора объявить заповедным. Наиболее ценные экземпляры, конечно, целесообразнее всего транспортировать в музей, в частности для этого может быть использован музей под открытым небом по дороге Фрунзе—Иссык-Куль — археолого-архитектурный комплекс Бурана. Но целесообразнее создать собственный аналогичный музей, например в Чолпон-Ата, на базе биологической станции Академии наук Киргизской ССР. Именно сюда свозить из окрестностей каменные изваяния и эпиграфические памятники. Здесь место и уникальным экземплярам наиболее древнего, первобытного искусства — наскальным рисункам.

Создание музеев под открытым небом — вот та большая задача, которая может быть решена лишь совместными усилиями Министерства культуры, исторических научных учреждений, Общества по охране памятников истории и культуры и местных органов власти.

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» значительно повысил требования к изучению, пропаганде и использованию историко-культурного наследия прошлого. Организована и развивается археологическая служба на новостройках, на качественно новом методологическом уровне исследуются археологические объекты, историко-культурные памятники. Необходимость охраны памятников старины закреплена высшим законом страны — новой Конституцией СССР.

Охрана памятников истории и культуры — дело не только общественных организаций, но и гражданский долг каждого, так как памятники — это объекты истории, истории древних жителей долины — частицы человечества. Они представляют собой историко-культурное наследие прошлого, бесценное богатство современности и их сохранение диктуется задачами будущего. Эти памятники составляют прекрасное дополнение к естественным богатствам края, имеют непреходящее научное и культурное значение. Служат делу патриотического воспитания людей и их духовному обогащению.

Совершая путешествие в прошлое, в историю родного края, мы старались ни на минуту не забывать о современности и как можно зорче всмотреться в будущее.

В этой преемственности культур — преемственность поколений.

КАТАЛОГ

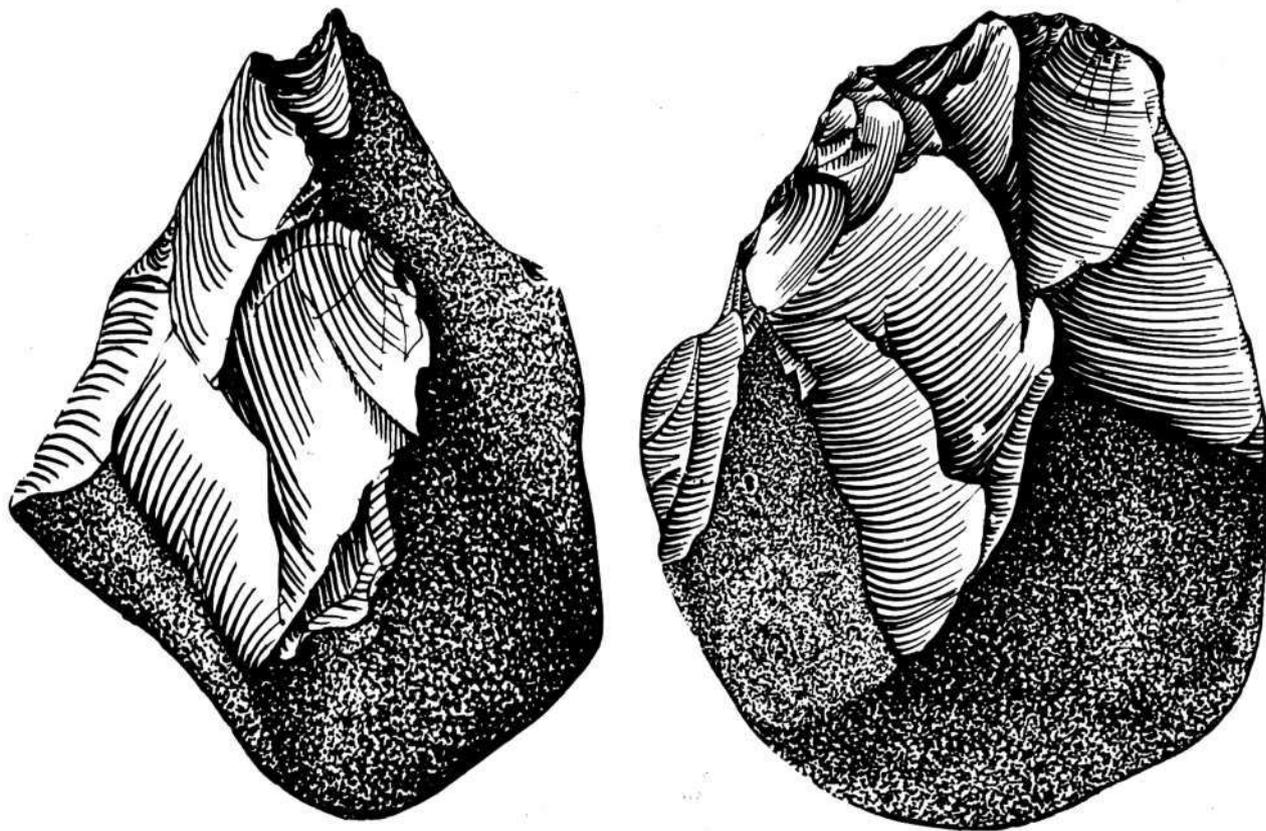
исторических памятников Прииссыкулья

№№ п.п.	Наименование	Время	Местоположение
1.	Коллекция орудий каменного века	свыше 100 тыс. лет	Стоянка Боз-Бармак, терраса Саламат-Булак (у г. Рыбачьего)
2.	То же	50 тыс. лет	Стоянка Тоссор
3.	Пещерная живопись	3—8 тыс. лет	Ак-Чункур
4.	Наскальные рисунки	2 тыс. лет—XIX век	Южные склоны Кунгей Ала-Тоо, северные склоны Терсей Ала-Тоо
5.	Курганные могильники	VII в. до н. э.—VIII в. н. э.	Тору-Айгыр, Чолпон-Ата, Курменты, Джеты-Огуз, Чельпек, Туура-Суу
6.	Каменные изваяния тюрков	VI—IX в.	Чон-Койсу, Чон-Урюкты, Джеты-Огуз, Тамга, Туура-Суу
7.	Клады	V в. до н. э.—XIII в.	Чельпек, Барскаун, Курменты.
8.	Горнорудные промыслы	VIII—XIX вв.	Сары-Булун, Сары-Джаз, Курменты, Тон, Туура-Суу, Каджисай, Барскаун, Тюп, Корумды, Чолпон-Ата, Тору-Айгыр.
9.	Средневековые поселения	IX—XVI вв.	Тору-Айгыр, Чирпыкты, Чоктал, Чолпон-Ата, Чон-Аксу, Кой-сары.
10.	Подводные археологические памятники	XII—XVI вв.	

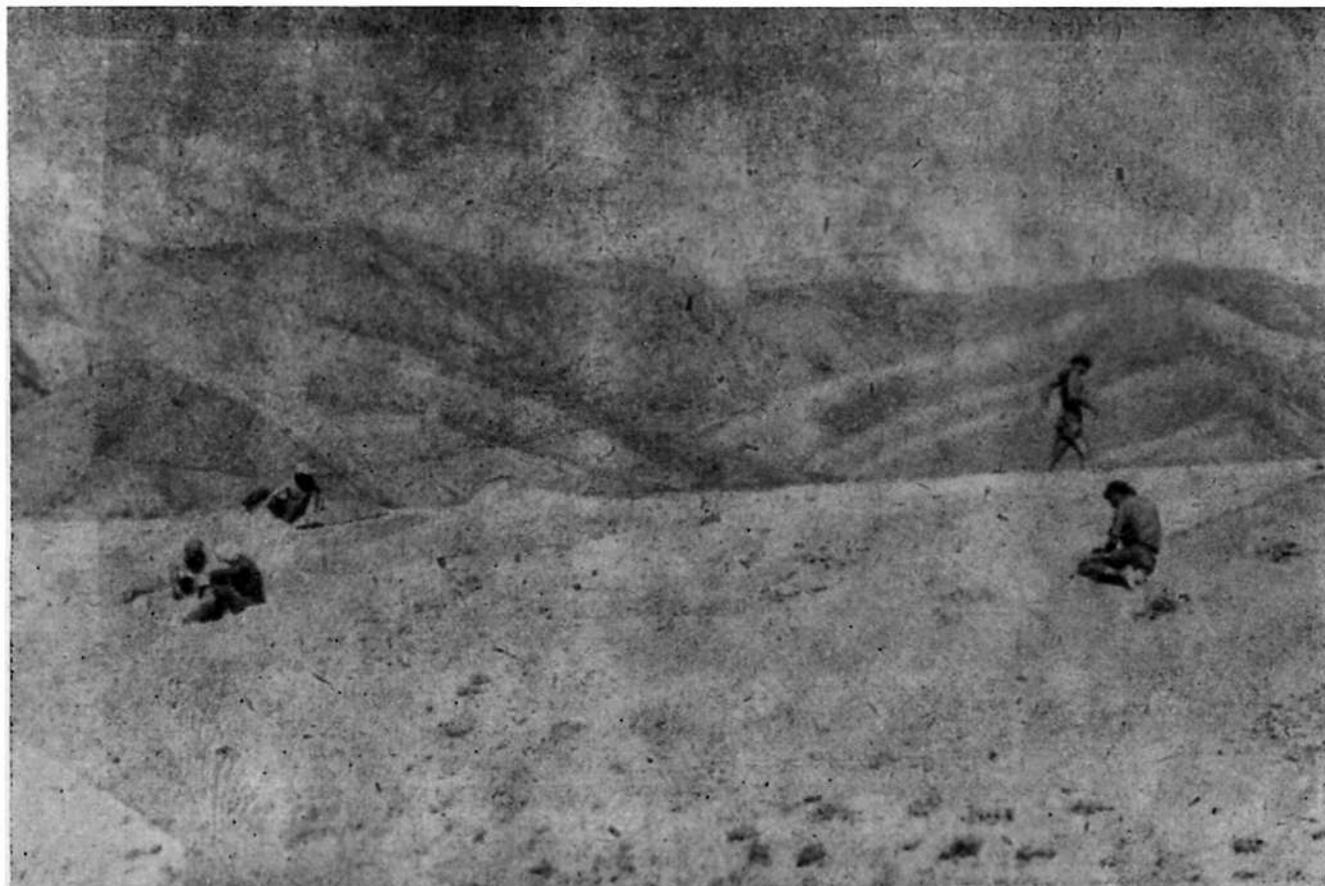
ИЛЛЮСТРАЦИИ

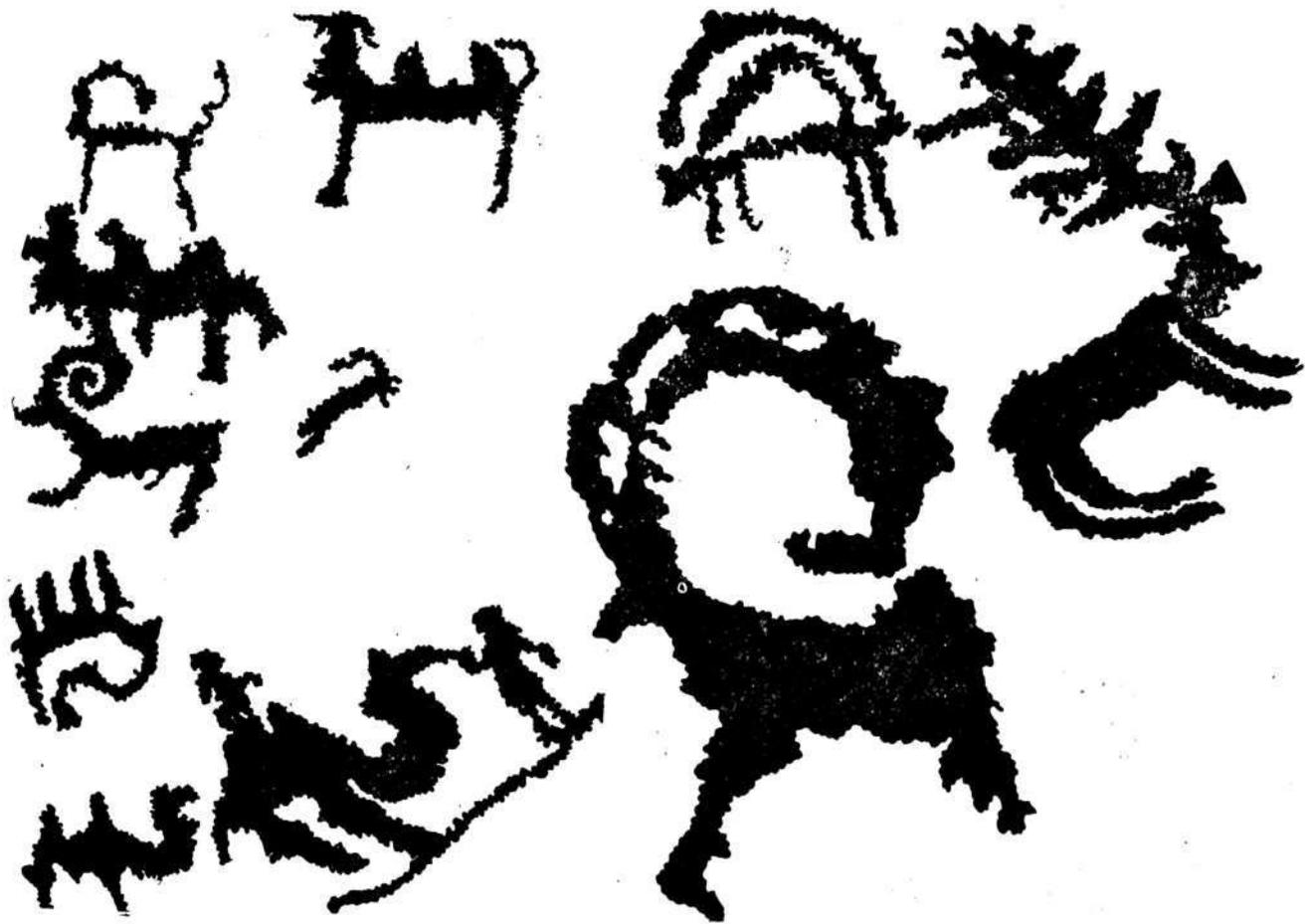
Археологи за камеральной обработкой находок. Слева направо: Д. Ф. Винник, К. Т. Ташбаева, И. К. Кожомбердиев.

Каменные орудия стоянки Боз-Бармак.

Раскопки палеолитической стоянки Тоссор.

Иссык-кульские наскальные рисунки.

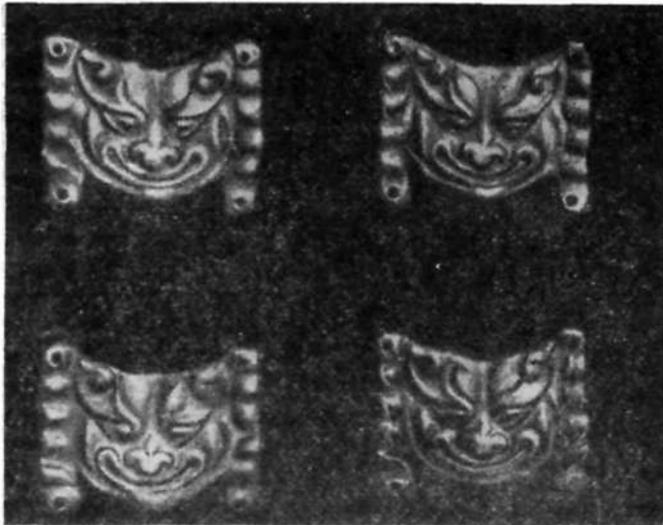
Рисунки охрой на стенах пещеры Ак-Чункур.

Первые находки из кургана Боз-Бармак.

Богатства кладов:

а) медные барскаунские;

**б) золотые иссыкские
бляхи в виде головы тигра
— неоспоримое свиде-
тельство одной — местной куль-
туры;**

**в) золотой джейранчик в
прыжке из туура-суйского
кургана;**

г) бляхи — составные части бронзового наборного пояса тюрков;

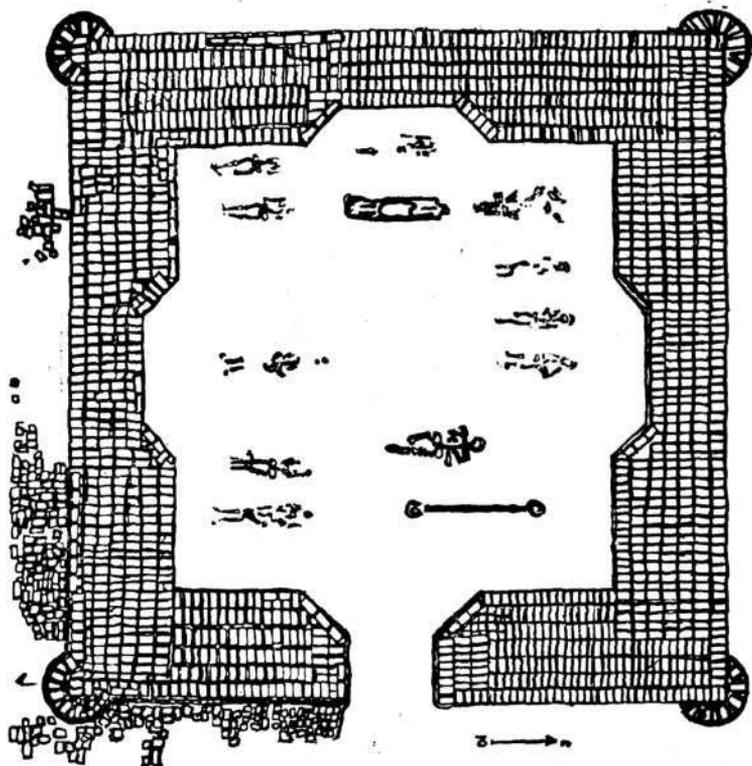
д) исык-кульские бронзовые кинжалы;

е) скульптурки чельпекского клада.

Реставрированный золотой костюм из иссыкского кургана.

Коллективный некрополь древности, отданный отступавшими водами озера.

Раскопки Каджисайского средневекового караван-сарая.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	3
Глава первая. Следы первобытного человека	8
Глава вторая. Наскальная галерея	17
Глава третья. В поисках клада	28
Глава четвертая. Подводные тайны	40
Заключение	58

Владимир Михайлович Плоских,
доктор исторических наук

**ИССЫК-КУЛЬ:
ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ**

Редактор А. К. Фокина
Худож. редактор А. И. Ерошенко
Техн. редактор Л. Я. Шевченко
Корректор Л. М. Шейко

Сдано в набор 31.03.1981 г. Подписано к печати 5.08.1981 г. Д—01423.
Формат бумаги 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. «Журнально-руб-
леная» гарнитура. Печать высокая. 4,75 физич. печ. л. 5,558 условн.
печатных листа. 4,955 учетно-изд. л. 6,143 усл. кр.-отг.
Тираж 25000. Заказ № 166. Цена 15 коп.

Издательство «КЫРГЫЗСТАН»
720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, б. ул. Жигулевская, 102.

15 коп.